

An aerial view of the New York City skyline at sunset. The sky is a deep, hazy orange, and the sun is low on the horizon, casting a warm glow over the city. The Empire State Building is the central focus, standing tall among other skyscrapers. The water of the harbor is visible in the distance.

ДИАНА КЛЕПОВА

МЕРТВАЯ АВЕНЮ

Когда люди забывают о войне,
начинается новая.

Диана Клепова

Мертвая авеню

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25095323

ISBN 9785448552670

Аннотация

Миллионы лет назад вымерли динозавры, уступив планету новой жизни. Настала очередь людей. Джейсон готовился к поступлению в университет, а Эйприл ещё даже не окончила школу, когда атаковал вирус, обращая людей в чудовищ, и теперь остатки человечества борются за право остаться на Земле, ведя войну с теми, кого когда-то называли братьями.

Содержание

Предисловие	5
Мертвая авеню	11
Часть I. «Смерть и её люди»	12
Глава 1. «Как можно дальше»	12
Глава 2. «И мир исчез»	23
Глава 3. «Четырнадцать»	40
Глава 4. «Прощание»	49
Глава 5. «Начало моего конца»	56
Глава 6. «Однажды беглецы станут теми, от кого бежали»	62
Глава 7. «Иммунитет»	71
Глава 8. «Наша вина»	80
Глава 9. «Всех цветов, форм и размеров»	88
Глава 10. «По-прежнему братья»	99
Глава 11. «Чередования»	107
Глава 12. «Мертвая авеню»	114
Глава 13. «Адреналин»	124
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Мертвая авеню

Диана Клепова

© Диана Клепова, 2017

ISBN 978-5-4485-5267-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Надеюсь, «Мертвая авеню» донесет до тебя то, чем я всегда хотела поделиться. Множество вопросов, которые я уже предвижу, прямо сейчас получают свои ответы.

Читатели не раз спрашивали, почему я пишу об апокалипсисе, если живу в мире, где светит солнце; почему пишу об американском городе, если сама являюсь русской; почему, пусть и очень поверхностно, но затрагиваю тему нетрадиционной ориентации, если ко мне это не относится; почему главная героиня в столь напряженных отношениях с отцом, если родителей следует почитать; почему мои герои совершают ошибки, если персонажи должны быть примерами для подражания.

Я пишу не о зомби, и неприятных сцен, какие ты мог видеть в фильмах об апокалипсисе, ты здесь не найдешь, но пишу о мире, где каждый шаг чреват последствиями. О мире, где любить страшно. О людях, которые могли бы ожить и стоять рядом с вами со своей трагедией.

Если вы знакомы со мной, не ищите в книге кого-то, в ком можно узнать мое окружение. В некоторых персонажах есть частичка меня, в других – что-то от людей, которых я встречала на своем пока коротком жизненном пути, но в последних – только моя фантазия, построенная на небогатом жизненном опыте. Понять, кто из них и как появился, ты не смо-

жешь, если ты не тот, кого я называю своей родственной душой.

Я хочу рассказать много возможных историй, раскрыть как можно больше героев и указать на то, что проблемы есть у всех. Истинное лицо человека можно увидеть только в экстремальной ситуации, где жизнь идет со смертью рука об руку, и вторая грозит перетянуть ее на свою сторону. Только тогда, когда каждый день приравнивается к самому большому сокровищу, можно по-настоящему понять, насколько ценна жизнь.

Люди жестоки. Деньги и жажда власти разрушают человека внутри тела. Сейчас я говорю о политике. Чтобы господствовать на Земле, некоторые правители готовы совершать ужасные вещи и истреблять друг друга вместе с народом страны-противника. Вместо того, чтобы создавать лекарства от пока неизлечимых болезней, люди изготавливают оружие и смертельные вирусы, чтобы пугать соперников. Вместо того, чтобы спасать, мы убиваем друг друга!

Нет, не стоит обвинять во всех грехах только правительство. Виноваты все, кто согласен с жестокими методами.

Люди считают себя господствующим видом на Земле и забывают о том, что планета для всех, кто на ней живет. Человек – это Земля. Животное – это Земля. И даже насекомое – тоже Земля. Будучи уверенным в своем превосходстве, человек безжалостно уничтожает своих братьев меньших. Начиная с насекомых, переходя на животных и заканчивая са-

мим собой – человек разрушает этот мир. У людей есть дар, который следует назвать проклятием, не только к убийству невинных, но и к самоуничтожению, и каждый из них жизненно важно держать в узде. Конец света наступит тогда, когда люди перейдут черту и станут причиной собственной гибели. Все в наших руках, но наши руки по локоть в крови. Если не смыть это, раскаявшись, однажды станет слишком поздно, и мы даже не успеем пожалеть.

Поэтому я пишу об апокалипсисе.

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки. Два самых больших противостояния в мире политики. Поэтому Россия и США в «Мертвой авеню» работают вместе, чтобы напомнить о том, как важно людям сотрудничать и доверять друг другу, и чем чревата жажда власти. Осуждая правительство за его деяния, мы виним и граждан государства, которые на самом деле не отличаются от нас.

Многие мои друзья – американцы, и они не ненавидят нас и редко лезут в политику так глубоко, как это делаем мы, русские. Наверняка ты слышал, что в Америке русского человека заключают, но это не так. Американцы любят иностранцев и относятся к ним с интересом, не думая о политической ситуации. Это правильно, потому что политика – это разборки правителей. Только правителей. Если бы твоя школьная руководительница ссорилась с учительницей твоего лучшего друга, разве вы стали бы ругаться из-за этого? Конечно же нет. Это абсурд. Точно так же выглядит человек, когда катит

бочку на того, чья страна соперничает с его Родиной. Патриотизм – это хорошо. Но не путайте это с расизмом и предвзятым отношением.

Плохие люди есть в каждой стране – нельзя обобщать. Американцы, норвежцы и другие граждане стран НАТО и ЕС – такие же, как мы. Пока мы не перестанем ненавидеть их, они не перестанут считать врагами нас. Все мы должны начать с себя. Только так этот мир станет лучше.

Поэтому большая часть центральных персонажей здесь – американцы.

Я никогда не жила в другой стране и в силу своего возраста не могу знать все. Но я живу в России и точно знаю, что процент гомофобии здесь очень высок. Любое упоминание нетрадиционной ориентации многими расценивается как пропаганда. (Не путайте людей, родившихся такими, с теми, кто просто считает гомосексуальность крутой и начинает дурить). Однажды я услышала, как людей, относящихся к своему полу так, как положено относиться к противоположному, приравнивали к убийцам и сказали, что их нельзя уважать. Но, если вы согласны с этим, спросите себя: чем вам помешал человек, родившийся не таким, как все? Его человеческие качества могут превосходить ваши, как и наоборот. Человека определяет личность. Но личность не определяется ориентацией. Будьте толерантны. Эта планета создана для всех, и все мы на ней имеем равные права.

Поэтому я затрагиваю тему презрения к людям нетра-

диционной сексуальной ориентации.

Эйприл, центральный персонаж моей книги, не в восторге от своего отца. Почему? Стоит ее осудить? Нет, стоит приглядеться: вдруг, вы ведете себя так же, как она? **ВНИМАНИЕ, СПОЙЛЕР!** Мои персонажи меняются, и Эйприл не исключение. По мере развития событий она меняет свое мнение об отце и жалеет об ошибках, совершенных по отношению к нему. Ей повезло, что не стало слишком поздно, но это книга. В жизни у нас не так много времени на то, чтобы переосмыслить свое повеление. Почаще говорите своим родителям, как любите их.

Поэтому Эйприл на начало книги такого скверного мнения о своем самом родном человеке на Земле.

Идеальных людей не существует. Все мы падаем в грязь лицом, но настоящего героя от других отличает только то, что он находит в себе смелости снова подняться и сверкать. На ошибках учатся. Если бы персонажи «Мертвой авеню» с самого начала были такими, какими станут, когда пройдут свой путь, читатель бы мне не поверил.

Поэтому мои персонажи совершают ошибки.

Я озабочена многими проблемами человечества и даже теми, которые многие люди не считают проблемами вовсе. Например, несправедливостью в мире и отношением людей к животным. Если каждую из них мне не удастся раскрыть в этой трилогии, я продолжу в следующих книгах.

«У всех нас есть голоса, и мы несем ответственность за их

использование» – сказала Лили Коллинз, молодая актриса и писательница, на мероприятии «We Day» в Сиэтле пару недель назад. И год назад я нашла в себе смелость использовать свой голос, потому что (опять же цитирую Лили) каждое влияние имеет значение, независимо от того, насколько маленьким оно может показаться.

Поэтому я написала эту книгу. Поэтому я писатель.

Кто-то может сказать, что писать свою первую книгу тяжело, но я этой тяжести не чувствовала. В книге я нашла свое утешение, благодаря ей смогла взглянуть на этот мир свежим, жизнелюбивым взглядом, и надеюсь, что тебе эта история полюбится так же, как полюбилась мне. Она здесь для того, чтобы изменить что-то в лучшую сторону, чтобы чему-то научить и напомнить о том, что ты не один.

С наилучшими пожеланиями,

Диана Клепова

Мертвая авеню
*Когда люди забывают
о войне, начинается новая.*

*Посвящается маме, папе, моему маленькому
братику и всем, кто хоть раз чувствовал себя
одиноким*

Часть I. «Смерть и её люди»

Глава 1. «Как можно дальше»

Мы слишком молоды, чтобы решать эти проблемы. Но они продолжат валиться на нас. И в итоге мы должны искать выход.

Анна Франк

Джейсон никогда не был героем. Джейсон был трусом. И теперь я, как феникс, восстал из его пепла. Огонь уничтожил моих родных, тем самым уничтожив меня. Джейсона переплавили в этом самом огне.

Теперь есть только Феникс.

От старого Джейсона не осталось ровным счетом ничего, кроме воспоминаний. Я помню все, кроме пожара. Помню лишь как Лили кричала в огне. Ей было всего шесть лет.

«Счастличик».

Так меня называл Джаспер.

Он считал, что мне повезло выбраться из того дома живым. Да уж, конечно, счастличик! Лучше бы я сгорел вместе с сестрой и мамой, а не бежал, как подлый трус.

Мы застрелили Джаспера неделю назад, потому что он заболел неизлечимым вирусом. Не выздоравливал еще никто,

но, возможно, это связано с отсутствием какого-либо шанса на выздоровление – любого, кто заболел, немедленно уничтожали. Сначала убивали, а затем сжигали тело до тла, чтобы никто не подхватил трупную заразу.

Справа от меня в тени дерева на своем походном рюкзаке сидела Сюзан МакМартин. Длинноволосая красавица латиноамериканской внешности. Ужасная чистюля. Она тоже лишилась семьи. Мы зовем ее просто Сюзан или Сью.

Сюзан сделала несколько глотков воды. Много нам пить не разрешалось – до Нью-Йорка осталось примерно десять миль, но двигались мы медленно, а припасы были не бесконечны. До самого города нам не представится возможности заpastись едой в магазинах – на пути пусто. Уже отсюда вдалеке была видна мерцающая солнечными бликами лента Гудзона, – через эту реку нам предстоит переплыть, – и сам Нью-Йорк, но никаких зданий на нашем берегу, как это ни прискорбно, впереди не было.

Без нарушителей правил и жуликов, разумеется, не обошлось – рядом со Сюзан развалился толстячок Боб. Этот парнишка воровал протеиновые батончики, и потому ел в три раза больше положенного. Вор с жирной веснушчатой мордой и соломенными волосами. Если бы этот наглец помер, из него вышел бы на редкость упитанный для наших времен труп.

Я шел от самого Далласа. Изначально я мигрировал в группе техасцев – нас было около девяти десятков. Сре-

ди них Лили и мама. Лили – моя младшая сестра. Мертвая младшая сестра.

Постепенно наши ряды редели, и сейчас от этой группы никого, кроме меня и еще четверых ребят, не осталось. Кто-то стал зомби и был убит, кто-то – погиб от голода, а остальные просто не выдержали дороги, – перенапряжение дело серьезное, – как ни странно. Прошло целых три месяца с тех пор, как мы отправились в далекую дорогу до Нью-Йорка.

Нью-Йорк стал нашим «островом спасения».

Это единственный город во всей Северной Америке, до которого не добралась Капсула. Так называли болезнь. Не мы, а ее создатель. Именно он выпустил на волю этот смертельный, не до конца изученный, вирус.

Выжившие со всего континента собрались в Нью-Йорке. Вокруг города за поразительно короткое время возвели непреодолимую электрическую стену, – ее мы могли видеть даже с нашего нынешнего местоположения. Она была не слишком высокой, около пятнадцати метров в высоту, но даже если бы и была не выше пяти, кто бы смог через нее перебраться? Ток убивает.

Говорят, ворота всего одни. Стоит за них зайти, как тебя отправляют в аэропорт, где ютятся все новоприбывшие. Там проводят кучу проверок на наличие вируса в организме. Это я видел по телевизору. Интересно, что случается с зараженными? Наверняка их уничтожают. Или отправляют в лаборатории для проведения опытов, а потом уничтожают. Об этом

на канале Сиэнэн не упоминали.

Я поднялся на обе ноги и задрал лицо к небу, но, получив мучительный залп ярких солнечных лучей себе прямо в глаза, опустил голову. Футах в тридцати от меня стояла Мия. Солнце светило ей в глаза, потому девушка была вынуждена щуриться. Она о чем-то смеялась с парнем из Огайо, которого я называл просто и коротко – «К». Мы выбрали его совсем недавно, – отчего-то он мне сразу не понравился, – а когда представился, из всего его имени я разобрал только букву «к», поскольку был немного пьян. Зед, мой новый лучший друг, ухитрился раздобыть нам вино и вовремя выбросить бутылки, дабы никто ничего не заподозрил, но Сью все равно заметила и, на наше пьяное удивление, не выдала наш секрет – с начала пути был введен сухой закон, и нарушителей наказывали. Не то, чтобы я большой любитель выпить, но из-за всего, что случилось мне хотелось не просто хорошенько напиться, а в идеале повеситься на любимом галстуке, если это означало больше не видеть смертей.

Нет, я не носил галстуки! Только на школьный выпускной однажды надел.

Мия – высокая девушка. Загорелая кожа в сочетании со спортивным телосложением сразу выдавала в ней любительницу пляжного волейбола.

Веселая, своим жизнелюбием заражающая всех окружающих, она держалась лучше всех нас и постоянно сыпала шутками. И дня не проходило без звонкого смеха Мии Доссон.

Ее мать и сестра погибли в автокатастрофе девять лет назад, и с тех пор она воспитывалась одиноким отцом по имени Клейтон. Это был хороший техасский мужчина, никогда не расстававшийся со своей ковбойской шляпой.

Клейтон ушел на разведку четыре дня назад и не вернулся до сих пор. Даже дураку Бобу было ясно: он мертв. В лучшем случае мертв. В худшем – он стал одним из этих прожорливых тварей. Мия старалась не поднимать эту тему.

В нашей группе всего двадцать девять выживших: пятеро из Техаса, включая меня, а остальные присоединились по дороге. Сюзан шла из Тусона, а Мия, как и я, из Далласа.

Раньше у Мии были длинные каштановые волосы, но в один ужасный день она отсекла сантиметров пятнадцать своих волос. В мирное время такие прически называли прямым бобом. «Боб» Мии, впрочем, вышел не таким уж и прямым.

– И зачем ты это сделала? – негодовала Сюзан в тот вечер. – Не жалко?

– Не-а, – беззаботно ответила Мия и прислонилась к стене ангара, в котором мы тогда ночевали. – Мне жалко Сиршу, Поппи, Ника и всех остальных, кто заболел. Ты думаешь, длина моих волос может улучшить качество моей жизни? Глупо звучит.

Смена имиджа определенно добавляла ей года. Мия стала похожа на бойца, прошедшего через огонь.

Я и Мия – ровесники, нам обоим было по восемнадцать –

Сью была старше на два года – и даже учились мы в одной школе. Моей девушкой какое-то время была ее лучшая подруга. В дороге она скончалась от гемофилии.

Гемофилия. Каждому человеку, кто когда-нибудь хоть немного увлекался биологией, это слово было хорошо знакомо. И факт, что женщины этим никогда не болеют, был таким же общеизвестным как тот, что небо голубое.

По законам природы, женщина может являться носителем этой болезни, но заболевают и, соответственно, умирают от нее только мужчины. Однако, Капсула уверенно вступала в свои права на Земле и устанавливала здесь свои законы.

Все, что мы когда-либо знали о болезнях, теперь было бессмысленным. Прежние правила больше не работали.

Я взъерошил рукой свои светлые слегка кудрявые волосы. Было около шести часов утра, а на привал мы остановились в два ночи. Многие до сих пор спали, в том числе и Зед, мой друг-собутыльник. Сегодня он ночевал в красненькой «мазерати», которую кто-то оставил здесь – на пустыре.

«Я мечтал о такой тачке, чувак! Хочу представить, будто она принадлежит мне. Скоро мы все содохнем, но одной моей мечте все-таки суждено сбыться!» – восклицал Зед, стоило ему заметить машину.

Когда какой-нибудь неизлечимый вирус вроде Капсулы захватывает планету, начинаешь осознавать, как тщетны материальные ценности перед лицом вечности. Где был сейчас

хозяин этой «мазерати»? Да там же, где владелец какой-нибудь развалюхи из шестидесятых годов.

Большая часть человечества уже была уничтожена. Возможно, мы стали одними из последних людей на Земле.

Я даже не знал точно, заражен ли. Вычислить больного непросто, но уже на второй стадии все становится предельно ясно.

На первой стадии чумы наблюдаются перемены в поведении – человек становится чрезмерно раздражительным, его настроение быстро меняется, он много говорит, – или наоборот, в случае, если человек всегда был разговорчив, – и вообще ведет себя как собственная противоположность.

При этом наблюдаются озноб и лихорадка, высокая температура, слабость и ломота всего тела, жажда и тошнота.

Но как отличить больного от здорового, если мы все здесь ведем себя, как сумасшедшие, и состояние здоровья у каждого просто ужасное из-за переутомления? Никак, пока вирус не поразит следующие участки головного мозга.

На этой стадии шарики заезжают за ролики, и приходит белка. Человек бросается на окружающих и дерет собственную плоть. Он не помнит уже ничего. Ни себя, ни тебя. Здесь все до жути отвратительно – кашель с кровью и постоянная непрерывающаяся рвота. Тоже с кровью.

На третьей стадии человек превращается в настоящего зомби – начинает разлагаться, а вся его личность растворяется в, теперь бездушном, теле.

Но было кое-что, в чем я был почти уверен.

Зед был болен.

Я заметил это три дня назад. На его лице я наблюдал «маску чумы» – темные круги под глазами. За время миграции мы сильно сдружились, поэтому я хорошо его знал. Зед был человеком доброжелательным и общительным. Его можно было читать, как открытую книгу, но последние три дня он был сам не свой – жутко нервный, часто смотрел в пустоту и иногда не слышал, что я ему говорил. Его мимика стала иной: чаще всего он выглядел напуганным. Я всей своей рваной душой, если от нее конечно что-то вообще осталось, надеялся на то, что такие изменения вызваны не чумой, а стрессом.

Следовало убить его. Будущее человечества за жестокостью. Если заразился он, от него заразятся и другие. Оставив его в живых, я лишь отложу неизбежное, только с большими потерями.

Но отголоски старого Джейсона не позволят мне пустить пулю в голову лучшего друга до тех пор, пока я не лишусь надежды.

До Гудзона было совсем немного. Если будем идти в темпе, к ночи мы уже будем в городе. В *безопасном* городе, что важнее.

Я делал это ради Лили. Она неизменно оставалась моим якорем, даже после того, как погибла. Она бы не хотела, чтобы я закончил так же. И поэтому я буду бороться до послед-

ней капли крови.

Неожиданно Мия толкнула «К» в грудь. Тот отшатнулся, но удивленным не выглядел, как будто этого и ожидал. На вид ему легко можно было дать двадцать пять, но вел себя «К» так, будто ему не меньше семидесяти. В таком возрасте многие старики смиренно ждут смерти и говорят все напрямую.

Прямолинейность «К» иногда выводила меня из себя. Часто возникало острое желание врезать ему по физиономии. Это не исправило бы ситуацию, но зато мне бы от этого полегчало.

Может быть, такую ненависть к несчастному «К» питал только я. После пожара я сильно ожесточился и много из-за чего раздражался. В приступы моей ярости можно было даже подумать, будто я болен чумой. Все бы так подумали и пристрелили меня, точно хромого лошадь в Средневековье, если бы не понимали, что эти перемены в поведении были вызваны тем, что я лишился сестры. Гарантии того, что я здоров, впрочем, все равно не было.

Четыре недели назад мы встретили сумасшедшего старика, который бежал из Нью-Йорка. Он выглядел, как сумасшедший. Он говорил, как сумасшедший. Он трясся, как сумасшедший. Он, очевидно, был инфицирован.

– Не идите в город, – повторял он и хлопал стеклянными глазами. – Не идите в город!

Оливия – женщина лет тридцати пяти, – не задумываясь,

всадила пулю ему в сердце. Я так пока не умел. Эта миниатюрная женщина с темными волосами и грубоватыми чертами лица была нашим лидером.

В семь часов Оливия подняла всех на ноги, и мы двинулись в путь. Шли мы на удивление быстро – к полудню уже были далеко от места ночлега. Эта женщина превосходила всех нас по сдержанности, целеустремленности и жестокости. Уложить больного ребенка одним выстрелом для нее было раз плюнуть: на вторую неделю дороги она пристрелила своего сына и мужа, подхвативших Капсулу.

Я все ломал голову: хорошо это или плохо? Хорошо – для нее, плохо – для остальных. Я не знал, всегда она была такого мнения о ценности человеческой жизни, или тут поработал апокалипсис, но ее девизом была следующая фраза: «спасется только тот, кто достоин жить». Такую хорошо бы написать на поздравительной открытке. Оливия была не из тех лидеров, кто стал бы возвращаться за отставшими. Здесь каждый был за себя, и это пришлось принять.

Мы не знали точного времени, но, судя по сумеркам, около восьми часов вечера. До берега реки оставалось минут десять бодрого хода.

Все так и было бы, *если бы не...*

Внезапно со стороны реки материализовалась фигура. Человек. Женщина. Она судорожно подергивала правой рукой. Я не мог ее разглядеть, но быстро догадался с кем, а точнее, с *чем* мы столкнулись.

– Вот черт, – тихо выругался я себе под нос.

Из темноты выползли еще двое, трое, четверо. Они появлялись из ниоткуда, окружая нас со всех сторон, как призраки, и становились рядом друг с другом, образуя замкнутый круг.

Я в очередной раз почувствовал себя загнанной в ловушку овечкой.

– Черт, черт, черт!

Мертвенно-бледные лица были усеяны язвами, а тела покрыты струпьями. Зрелище из себя они представляли отвратительное. Я никогда не смогу спокойно спать.

Мы оказались в почти безвыходной ситуации. Остаться – значило быть сожранным зомби, бежать – значило быть сожранным зомби. Они окружили нас, а это было очень плохо.

Неожиданно Оливия открыла огонь.

Глава 2. «И мир исчез»

*Что бы с нами не происходило, это правильно.
Макс Фрай*

Эйприл

Хотите оценить всю масштабность катастрофы? Население Нью-Йорка совсем недавно превышало восемь миллионов человек, а сейчас нас осталось не больше четырех тысяч. При этом четверть – беженцы со всего континента.

Люди умирали один за другим, – в их числе мои друзья – а я беспокоилась о своем коте. Эйприл Янг отличалась от других во все времена: как в хороших так и в плохих смыслах.

Эйприл Янг – это я.

Когда кошачий корм заканчивался, я покидала квартиру и шла по Орлеан-Стрит к зоо-магазину. Прodelывала это один раз в две недели. Сегодня именно тот день, когда я отправилась за едой для Симбы.

Симба – мой кот. Когда он был котенком, то много кусался. «Кусаться» было его любимой игрой.

– Он укусил меня! – смеялась мама. – Какой же ты хорошенький.

Моя мама – как и я – очень любила животных, поэтому если ее кусал малыш-котенок, она умилялась, а не злилась.

– Совсем как львенок.

Так Симба и получил свое имя.

Я подошла к стеклянной двери «Энимал Сапплайс».

На ней висел график работы:

Пн-пт: 9:00 – 21:00

Сб: 9:00 – 20:00

Вс: 10:00 – 19:00

«Без перерывов и выходных»

Теперь это расписание было ни к чему. Отныне «Энимал Сапплайс» работал круглосуточно.

Я открыла дверь и быстро юркнула внутрь. Схватила кошачий корм с витрины и запихнула в рюкзак столько, сколько он мог в себя вместить.

Единственный плюс зомби-апокалипсиса – халява.

Можешь хапать брендовую одежду, о которой когда-то мечтал. Если хочешь, можешь забрать всю продукцию «Эплл» из магазина. Платить не надо. Это бесплатно.

Только вот это все равно тебя не спасет.

Сейчас самый спрос на еду и оружие, но точно не на халявный «Ориджин». Пока конкурентов у меня не было – вряд ли получится найти еще одну дурочку, которая беспокоится о жизни кота во время чумы.

Я вышла на улицу с разбухшим рюкзаком за спиной. Раньше Орлеан-Стрит была довольно людной. А что теперь? Я здесь одна. Совсем одна на целой улице.

Не помню, что я сделала сначала, кажется, пронзительно

закричала. С неба камнем летело чье-то тело. Но я не возьмусь сказать, что было раньше – мой крик или удар тела об асфальт. Я перестала придерживать лямку рюкзака, и тот скатился по моей руке. Это, я знаю, произошло после крика и удара тела об асфальт.

Сколько в этом доме этажей? Двадцать?

Не уверена, сколько, но знаю, что высоко. Может, для Нью-Йорка и не слишком, но для того, чтобы спрыгнуть с крыши и размазаться по асфальту – самый сок.

Эта девушка примерно моего возраста, с волосами цвета как у Реггеди Энн. Хотя как я могла определить ее возраст? Она лежала лицом вниз. Если от ее лица еще что-то осталось.

Самоубийства и раньше были не такими уж редкими, а во время чумы количество суицидников увеличилось вчетверо. Здесь у каждого своя трагедия. Только что я стала свидетельницей одной из таких. Эта девушка с ярко-красными волосами была чьей-то дочерью. Возможно, чьей-то сестрой и возлюбленной.

Может быть, все ее близкие погибли, и именно это стало причиной для самоубийства.

Я часто думала о самоубийцах. Как люди, разумные существа, особенно в такие времена, когда жизнь особенно ценна, могут добровольно обрывать свою? Им кажется, что от этого будет проще? Конечно. Конечно, будет проще. Но у меня есть две причины, почему я не стану этого делать:

Убить себя просто потому, что устал бороться – признак

слабости. Даже такую, я слишком люблю жизнь, чтобы оборвать ее.

Это – первая.

Вторая и более веская: Шон.

Шон – тот, ради кого я продолжаю бороться. Он – мой младший брат. Я любого разорвала бы голыми руками, если бы кто-то посмел тронуть его. Это правило распространялось даже на зомби.

Я не отдавала себе отчета в том, что все еще смотрела на тело несчастной девушки. Я попятилась и шумно выдохнула. Запах был отвратительный. Ровно как и вид. Изогнутые под неестественными углами конечности, темное пятно под животом и у головы – смесь крови и того, что тело из себя вытолкнуло, когда превратилось в омлет. Эта девушка могла быть красивой. Но теперь она не больше, чем прихлопнутая газетой муха.

Я откинула каштановые волосы назад и побежала.

Мне так хотелось оказаться дома. В моем прежнем уютном доме: когда мама была жива, у нас всегда было светло и тепло.

Без мамы наша квартира стала черно-белой.

Все еще помню, как мир потрясли самоубийства подростков. Как мои ровесники и те, кто младше, резали вены из-за невзаимной любви и сливали все это в социальные сети, гордясь своей, как они считали, смелостью. Я всегда расценивала это как самый настоящий выпендрег и очередной

глупый способ привлечь внимание к своей персоне.

Готова поспорить, каждый хоть раз задумывался о том, что свести счеты с жизнью было бы проще, чем терпеть. Так что же, всем теперь с крыши прыгать? Люди и без того умирают каждый день. Каждую минуту. Те, кто хотели жить. Ну а самоубийцы просто не знали, что такое настоящий конец света.

Совершить суицид значит проявить вопиющее неуважение к тем, кто погиб в борьбе за жизнь.

Что избалованные дети мирных лет имели на своем счету? Невзаимную любовь? Низкий балл по английскому?

Никогда не понимала, как вообще можно плакать из-за какого-то козла, наплевавшего в душу. Какой толк быть с человеком, если он – моральный урод? Радоваться надо, что эта пиявка сама по себе отвалилась. Ведь тогда не придется ее с болью отдирать.

Был тот, кто довольно продолжительное время нравился мне, но желания пролить хоть одну слезинку из-за того, что Лукас Уитон не обращал на меня внимания, никогда не возникало. Лукас Уитон – самый красивый парень в школе. Тот, в кого я была влюблена с пятого класса. Можете смеяться сколько хотите, но я не вру: да, я ревновала и расстраивалась, но мне никогда не было по-настоящему плохо без него. Наше общение ограничивалось только поздравлениями в день рождения в Фейсбуке. Я и этому была рада.

Я не считала его «единственным и неповторимым». Он

не был моим смыслом жизни.

Спасибо маме.

Если бы не она, я бы даже мыслила по-другому. Рассуждала по-другому. Любила по-другому.

Она была тем человеком, который никогда не трусил. Она была тем другом, который никогда не предавал. Она была той дочерью, которая почитала своих родителей. Она была той матерью, которая жила ради своих детей.

А еще она умела прощать. Давать советы и поддерживать в трудную минуту. Подбирать нужные слова и хранить секреты. Ее любовь к детям была бесценна: она любила нас такими, какими мы были. Она отказывала себе во всем, чтобы у нас было все самое лучшее.

Она не знала, чего от меня ждать. Она не знала, что я выкину в следующую секунду. Но она любила меня всей душой.

А потом пришла чума и забрала ее.

Болезнь атаковала нас слишком внезапно.

Соседи умирали от Капсулы, один за другим. Кому-то, как маме, повезло умереть своей смертью, оставшись при этом человеком, а кого-то убили выстрелом в голову уже тогда, когда он превратился в монстра. Через шесть месяцев после апокалипсиса из нью-йоркских магазинов пропала вся свежая еда. Начался голод. У нашей семьи еды было достаточно, – отец приносил из солдатского штаба – так что мы даже делились ею с нашим хорошим соседом. До тех пор, как в его квартиру не забралась шайка бандитов. Его убили, потому

что он сказал, что еды больше не осталось.

Проблем не было только с водой. В здании, которое теперь стало штабом Иммунных, каждый день выдавали одну канистру с водой. По талонам. Прямо как в двадцатом веке.

Прокормить весь город Штаб, однако, не мог.

Я уже тогда начала воровать. А что еще мне оставалось? Продавцов больше не было, – все разбежались кто куда, – поэтому платить тоже было некому. Но кота кормить-то надо. Так что я, как и сейчас, брала свой школьный рюкзак и отправлялась на поиски еды.

Обычно я делала это в девять, когда папа уже был на работе, а мама все еще спала. Не хотелось, чтобы она переживала.

У нее болело все. Я понимала, но мама никогда этого не признавала. Всегда говорила, что ей не так плохо, как нам казалось, но ее измученный вид говорил за себя. Мама была страшно бледной, но даже от этого не становилась менее красивой.

Она говорила, что все в порядке, разумеется, ради Шона. Он крохотный был такой и ничего не понимал. А я уже была слишком взрослой, чтобы поверить в это. Шон был единственным ребенком и единственным, кто все еще верил в чудеса. Он едва не утратил это качество, когда мама умерла.

Тереза Мари Янг, ты самая лучшая, кого я когда-либо имела. Обещаю, я сберегу Шона. Он вырастет и у него будут свои дети, которых он будет любить так же сильно, как ты любила нас. Я не ценила тебя, когда ты была рядом.

Я не показывала свою любовь к тебе, когда ты была рядом. Теперь, когда ты ушла, показать свою любовь к тебе кажется невозможным. Но я не смогу отпустить тебя, пока не покажу, как сильно любила, люблю и буду тебя любить.

Я нервно посмотрела на наручные часы. Уже без пятнадцати десять. Нельзя сказать, что я – человек с невероятным чувством времени и такта, но я не хотела нарваться на отца. Если он узнает, что я снова покидала дом из-за кота – будет очень плохо. Он как минимум вышвырнет Симбу на улицу.

Он был человеком крайне напористым и строгим. Мы ссорились едва ли не каждый день.

Он строго-настрого запретил мне выходить из дома одной, а на Симбу и мои чувства, как и всегда, наплевал. Именно поэтому в магазин за кошачьим кормом я отправлялась только по утрам, если отец уходил на работу, или по вечерам, если отсыпался после ночных дежурств и из-за крепкого сна не слышал моей возни. Чтобы быть уверенной в том, что он не поймает меня, я предпочитала выбираться через окно. Наша квартира находилась на втором этаже, поэтому все, что мне нужно было сделать для благополучного побега – тихо спуститься на крышу подъезда, что находилась почти на уровне моего окна, а дальше спрыгнуть с нее. Только очень осторожно, потому что так я рисковала свернуть себе шею.

Возвращалась домой я всегда через дверь, потому что отец к тому времени или уже был на работе, или спал. Я была

бесконечно благодарна ему за то, что он никогда не заглядывал в мою комнату по утрам и вечерам, так что моего отсутствия, разумеется, не замечал. Но если бы он узнал о моих похождениях – и мне, как и Симбе, не поздоровилось бы.

Папа – бывший коп и военный, а бывших копов, как говорится, не бывает, поэтому ему – человеку с безупречной выдержкой и идеальной физической подготовкой – поручили целый отряд Иммунных. Весь отряд поделен на несколько возрастных групп, в каждой из которых свой командир, но отец все равно там самый главный: ему подчиняются эти самые командиры. А еще он будет тренировать новобранцев, а зная отца и то, какой он безжалостный, я очень надеялась, что у меня не обнаружат иммунитет и я не попаду на его занятия.

Через пару дней будет та самая проверка, которая определит наличие у меня иммунитета, или же его отсутствие, и тогда я попаду в один из штабов. По вполне объяснимым причинам я не отказалась бы от устойчивости перед Капсулой, но в штаб Иммунных мне очень не хотелось.

Я, Шон, отец и все нью-йоркцы первым делом прошли проверку на наличие вируса. На тот момент живых в Нью-Йорке оставалось всего тридцать девять тысяч: кого-то вирус убил, как маму, кто-то – стал зомби, и его застрелили, а кто-то – покинул город и даже страну, надеясь, что это уберезит их от заразы. Увы и ах, Капсула распространилась по всей планете. Вероятно, так быстро это случилось именно из-за

трусов, решивших сбежать на другой континент.

Инфицированными оказались двадцать восемь тысяч с половиной людей. Носителей вируса отсеяли и уничтожили, а тех, кто болезнь не подхватил, стали проверять на наличие иммунитета. Закончив с Чисткой, – так называли процесс уничтожения инфицированных, – правительство приступило к Проверке. Проверку воспроизводили исходя из возраста: сначала самые старшие, и только потом те, кто младше.

Дориан Теллер, мой лучший друг, – старше меня на три года, – уже прошел проверку: его определили к Иммунным. С тех пор мы виделись гораздо реже, хотя раньше были неразлучны. Мое время идти на проверку наступит через три дня, а Шон туда отправится только через неделю.

Люди, обделенные иммунитетом, занимались обычными, привычными всем нам, делами: одни из них были ученые, ищущими лекарство, кто-то – врачами, третьи – готовили еду, другие – вели подсчеты населения. Не иммунные никогда не покидали город и не контактировали с новоприбывшими, чем и отличались от Иммунных. Я не знала, где находится их штаб. Так же, как почти никто не знал, где сидит наше правительство.

Таким образом, Не иммунные – просто выжившие, а Иммунные – солдаты, защищающие выживших. Трудно поверить, что вместе они сумели вычистить от Капсулы и инфицированных весь город, но нас убеждали, что это так.

И вот, я уже была дома.

Я подошла к зеркалу и стала рассматривать отражение. Из него на меня смотрели два карих глаза на овальном лице. Ресницы были слегка подкрашены тушью – это единственное, чем из косметики я пользовалась. Брови густые, но аккуратные. У всех моих ровесниц они всегда были тонкими, на калифорнийский манер, поэтому девчонки часто дразнили меня за мои. Мама и подруги говорили, что это всего лишь зависть с их стороны. Близкие считали, что я красивая, но я тогда почему-то решила, что быть другой – это плохо.

Сейчас я перестала считать себя некрасивой. Симпатичная, но не более того. Мне часто твердили, что я похожа на маму, но я такого сходства не замечала: она была высокой и стройной, со сказочным, как у королевы, лицом, а я всего лишь гадким утенком.

У нас обеих были каштановые, на солнце немного рыжеватые, волнистые волосы в сочетании с бледной, но не слишком, кожей.

Мои глаза нашли фотографию, которую я недавно приклеила скотчем в углу зеркала.

На ней запечатлены я, мама и Шон. Со свежими, открытыми лицами. Она была сделана на мой шестнадцатый день рождения. На ней мы все выглядели счастливыми: потоки жизненной энергии тогда хлестали из меня и моих близких, точно кровь из открытой раны.

На мне надето мое любимое белое платье в цветочек. Накрученные на крупной плойке каштановые волосы водопа-

дом обрамляют счастливое лицо. Я выгляжу искренней и хорошенькой, очень похожей на маму.

Заметив наше поразительное сходство на этом снимке, я была ужасно горда собой.

Она обнимает меня за талию одной рукой, а второй гладит по голове улыбающегося Шона: в тот год у него выпадали молочные зубки, а двое верхних передних выпали как раз на мой день рождения, поэтому с зияющими дырками на их месте, выглядел он забавно.

Смогу ли я когда-нибудь снова ощутить, как свежая энергия течет в моих венах жидким огнем?

Мой взгляд спустился чуть ниже, и я принялась любоваться второй фотографией. Эта была еще одной моей любимой: на ней мне четырнадцать, но я похожа на маленькую девочку с ободранными коленками, которые, заживая, засохли корками. Мы в парке. Я обнимаю маму и радостно улыбаюсь, а ее рука покоится на моей голове.

Теперь, когда мама умерла, мир вокруг потускнел, а с меня слетели розовые очки, осколки стекол которых угодили мне прямо в глаза.

В тот день, в тот самый последний день, она выглядела спокойной. Уверена, я более чем уверена, мама знала, что ее дни сочтены.

Перед тем, как навсегда закрыть глаза, она устало улыбалась. Ей все еще хватало на это сил. Она была сильной женщиной. Самой сильной из всех, кого я когда-либо встречала.

За время ее болезни, я ни разу не застала ее плачущей.

Однажды ее глаза покраснели, но причиной были вовсе не боли, которые мама испытывала. Она просто не хотела принимать, что оставляет нас с братом в этом жестоком мире. Это и заставило ее пролить слезы.

Когда ее сердце остановилось, дома была только я.

Я была с ней до последнего вздоха. До самого конца держала ее за руку. Рыдала, вытирая слезы свободной рукой, моля Бога о ее чудесном исцелении.

Но Господь не внял моим молитвам.

Мама смотрела на меня и улыбалась.

«Я счастлива, что ты моя дочь,» – это были ее последние слова.

Я глушила рвущиеся из груди рыдания, лежа рядом с ее телом на холодном полу.

«Ты самый настоящий кладезь идиотских идей,» – однажды пошутила Николетт, моя лучшая мертвая подруга.

И, действительно, самостоятельно донести тело мамы до ванной, чтобы вымыть, было глупой идеей, и дело было не в весе, – мама была стройной и легкой, а заболев, исхудала совсем. Я просто не могла спокойно находиться рядом с ее телом: на полпути к ванной комнате я рухнула на пол вместе с ней и, почувствовав, как в животе что-то мучительно жалось, подтянула колени к подбородку и продолжила лить слезы.

Когда папа и Шон вернулись домой, то обнаружили меня

скорчившейся на полу. Я тогда совсем заледенела и выглядела ничуть не лучше мамы, отчего папа с братом испугались, что я тоже умерла.

Это снилось мне каждую ночь. Каждую ночь я переживала это снова и снова. Мой самый жуткий страх вытряхивал меня из сна, и я кричала. Мои пронзительные визги эхом отдавались по всей квартире и выходили даже за ее пределы каждую ночь, когда холодный ужас накрывал меня с головой и с безжалостной неспешностью душил.

Меня трясло, я судорожно хваталась за белоснежные простыни, едва не захлебывалась в собственных слезах, а мама не могла подойти ко мне и обнять. Первые дни ее место занимал папа. Это было единственное время, когда он утешал меня объятиями и успокаивал, но и оно быстро прошло. Уже через неделю папе это, видимо, наскучило. Он назвал меня слабой.

И тогда, каждый раз, когда я кричала, на мой зов приходил малыш Шон и изо всех сил старался убедить меня, свою старшую сестру, что все в порядке.

Шло время, и кошмары стали прекращаться. Теперь они снились не так часто, но все же снились. В остальные ночи, свободные от ледящего страха, я видела другие ужасы: зомби, гибель семьи и друзей.

Сможет ли моя душа исцелиться со временем? Восстановится ли она? Засну ли я спокойно хоть раз? Доживу ли до того знаменательного дня, когда человечество одержит

над Капсулой верх?

Я бросила рюкзак на пол. На этом самом месте когда-то стояла моя любимая китайская ваза, которую мама подарила на мой день рождения два года назад. Такие дорого стоят и отлично дополняют интерьер. Однако, в день смерти мамы, ваза разбилась вместе с моим сердцем, потому что я запустила ее в стену.

А потом еще час просидела над ее осколками, оплакивая еще и вазу.

В приступе я часто разрушала что-то очень важное, потому что не до конца контролировала себя.

Стоило мне услышать звук, с которым осколки вазы посыпались на пол, как я сразу осознала свою ошибку и успокоилась. Однако, на смену моему отчаянию, накатила новая волна слез. Эта ваза действительно была очень дорога мне и моему сердцу. Она напоминала о маме. Но, разбитая, она уже напоминала мою душу.

Моя комната была яркой и уютной. Самая настоящая комната девочки-подростка. Над столом на белой стене висели вырезки фотографий моих кумиров из журналов, в шкафу лежала куча книг, почти всегда играла любимая музыка. Кроме того, сразу можно было понять, чем эта самая девочка увлекалась: на стенах висели мои рисунки, в углу стоял деревянный мольберт, в ящиках, в беспорядке лежала гуашь, пастель, акварель, уголь.

Когда мама умерла, я сорвала все плакаты и выброси-

ла приятные безделушки, которые придавали комнате насыщенность и поднимали мне настроение. Я едва подавила желание смять свои рисунки. Меня остановил только мамин голос в голове: «мне нравятся эти картины». Я вспомнила, как озарилось ее лицо, когда она впервые увидела каждую из них, вспомнила, с каким восторгом и гордостью за свою дочь она их разглядывала, а после бегала по магазинам в поисках красивых рамок для них.

Разумеется, я не посмела выбросить картины.

Даже сейчас мама по-прежнему была со мной и не переставала давать советы.

Я жмурилась и утирала глаза, стараясь немедленно отгородиться от воспоминаний. Из оцепенения меня вывел кот, вовремя пришедший на помощь: Симба ласково терся о мои ноги, оставляя свою шерсть на темных джинсах.

Я наклонилась и расстегнула разбухший рюкзак: из него немедленно вывалились пакеты «Ориджина». Симба одобритительно мяукнул, когда я взяла один и пошла с ним на кухню, и преследовал меня до самого конца, пока я не наложила гранулы в его миску.

Я прошла мимо комнаты Шона и заглянула к нему – братик до сих пор сладко спал. Одеялко на нем вздымалось по мере того, как он дышал. Окно почему-то было открыто, а рядом, на подоконнике лежали его игрушечные динозавры.

Шон был главным фанатом динозавров в Большом Яблоке: он мечтал стать палеонтологом, у него была огромная

коллекция моделей, книг и он уже тысячу раз пересмотрел «Прогулки с динозаврами» и «Парк юрского периода».

Я подошла к окну. Ветерок приятно заиграл моими волосами, когда я высунулась наружу. На секунду мне показалось, что внизу мелькнуло какое-то движение, но крикнув: «кто там?», будто кто-то мне ответил бы, и не удостоившись ответа, я закрыла окно на защелку.

Зевнув, я отправилась обратно в свою комнату. Кот накормлен, окно закрыто. Можно расслабиться.

Я рухнула на кровать и перевернулась на бок. Недолго посмотрев на потолок, я задремала.

Глава 3. «Четырнадцать»

*Совесть мучает обычно тех, кто не виноват.
Эрих Мария Ремарк*

Следом за Оливией пальбу по зомби открыли и мы. Кто-то просто бездумно стрелял куда попало, как Зед, например, кто-то – целился и спускал курок, как я и Сюзан, но у толстяка Боба мужества хватало только на то, чтобы спрятаться за спиной сорокалетнего Патрика.

Справа от меня стояла Мия. В боях мы всегда бились плечом к плечу, когда обнаружили, что работать на пару гораздо эффективнее. Она стала для меня верным другом и хорошим союзником. Эта девчонка становилась настоящим солдатом, когда от нее требовались храбрость, стойкость и безжалостность, – всегда шла вперед. Но не сейчас.

Мия стояла неподвижно, точно дерево, и смотрела на мужчину, который, шатаясь, двигался прямо на нее. Что же она медлит?

– Стреляй! – громко скомандовал я, но девушка не обратила на меня должного внимания.

Ее глаза теперь казались больше, рот был приоткрыт в немом изумлении. Такое выражение лица сложно описать, но самое уместное слово сейчас было, наверное, – шок.

Долго думать на войне не приходится, особенно если вой-

ну ведешь с безмозглыми: зомби вообще не думают, они просто делают.

Я поднял свое оружие и направил его на мужчину, целясь в голову, но Мия не дала мне выстрелить: она молча взялась за ствол моей винтовки и медленно направила дуло в землю. Такая медлительность в самом эпицентре «бури» выглядела крайне нелепо.

Бледное лицо мужчины было покрыто язвами, руки – струпьями, а ковбойская шляпа – пылью. Я замер. Мой желудок сжался в тугой комок, когда я узнал его.

Отец Мии не погиб, как и те двое, что пошли на разведку вместе с ним. Теперь они – одни из Них.

Я должен был выстрелить. Обязан был. Но ведь это Клейтон. Добрый мужчина, заботящийся о своей дочурке. По выражению лица Мии я понял, что она думала о том же самом.

Она не сможет выстрелить. Это должен сделать я. Она будет ненавидеть меня, но, по крайней мере, хотя бы будет жива.

Я собирался поднять винтовку снова, когда со стороны Мии возник «К». Он грубо отодвинул девушку в сторону, и, не теряя ни секунды, выстрелил Клейтону в голову.

Потрясение на лице Мии моментально переросло в гнев. Я знал, что она сделает, но когда та уронила винтовку и бросилась на несчастного «К», все равно вздрогнул. Неожиданно для самого себя я схватил Мию за талию и дернул на себя. Доссон ослабила хватку и, потеряв равновесие, повалила

меня на землю, придавив весом своего тела.

Падая, я больно ударился затылком и сейчас слышал все так плохо, как если бы находился под водой, но шипение зомби прямо над нами среди звуков сражения сумел различить. Это не Мия была такой тяжелой, а напавший на нас парень лет двадцати.

Я нащупал свой пистолет в кармане и изловчился выстрелить ему прямо в голову, и вовремя, – зомби, обнажив свои желтые зубы, замахнулся когтистой рукой, чтобы нанести Мие удар по шее.

Брызнувшая из его лба темно-красная кровь обагрила наши лица, и Мия, перекатившись на землю, встала на четвереньки, а уже в следующее мгновение ее вывернуло наизнанку. Я выплюнул кровь зомби, но от ее металлического прикуса во рту не избавился. Я помог Мие подняться на ноги.

Я смотрел, как наши добивали последних зомби и двигались к воде. В бою мы и не заметили, что уже достигли Гудзона. Я и Мия стояли посреди кучи трупов: среди них были и наши, и зомби с простреленными или отрубленными головами – все смешались в одну кровавую кучу.

Я дышал Мие в волосы, а она молчала, спрятав лицо ладонями. Периодически ее передергивало в моих руках, а колени подгибались, и я понимал, что сейчас являлся единственным, что не давало ей упасть рядом с обезображенным телом отца.

К нам подбежала запыхавшаяся Сюзан с порезом попе-

рек живота. Насколько я понял, испортилась лишь ее одежда.

– Вы должны сесть в лодку. Их всего три, каждая рассчитана на пять человек, поэтому нам всем хватит места.

– Не хватит нам места. Кому-то придется возвращаться, – возразил я, все еще не выпуская Мию из рук. – Нас ведь было двадцать девять...

Я заранее знал ее ответ.

– *Было*, Феникс, – в голосе Сюзан сквозила бесконечная печаль. Она опустила взгляд в землю и, поджав губы, сглотнула. – Было.

– Как мы могли потерять четырнадцать человек за одно нападение? – изумился я.

– Количественный перевес, – объяснила она. – Они напали слишком внезапно. Победа на их стороне, пусть мы и перебили их всех.

Мия покачала головой и самостоятельно двинулась к воде. Она молча залезла в пустую лодку, после к ней присоединился Боб и еще три человека. Ни с кем из них она не разговаривала.

Я и Сюзан сели последними. Пока мы плыли, я с досадой заметил, что Оливии с нами больше не было. Она пала в бою. Зед ободряюще улыбнулся мне и похлопал по плечу, но за всю переправу никто из нас не проронил ни слова. Даже Боб перестал жрать.

Когда мы оказались на другом берегу, перед нами возвы-

шалась высоченная стена из проводов. По огонькам, бегающим по ним, и непрерывному гудению, что сверлил мозг, я догадался, что стена находилась под напряжением. Я знал это с самого начала, но, увидев все собственными глазами, убедился окончательно, что это был не очередной миф.

Чтобы добраться до ворот, через которые нас впустили в город, нам пришлось пройти еще пару километров вдоль стены. По правде говоря, я не видел никакой логики их действий. Чем они вообще руководствовались когда приняли решение впускать за ограду всех и только потом проверять их на наличие вируса? Какой тогда у стены смысл?

Разместили нас, как и ожидалось, в аэропорту, где ютились все остальные беженцы, ждущие проверки.

Нас встретила женщина по имени Нора, отвечавшая за перепись. Это была дамочка лет тридцати пяти, с аккуратным пучком светлых волос на голове, в ярких очках и деловом синем костюме. Вероятно, Нора была иммунной, занимающейся интеллектуальной деятельностью, ведь отправлять неустойчивого перед Капсулой человека встречать новопривывших – крайне опасно.

Она спросила, кто был нашим лидером. Лидером нашей группы была Оливия, не дожившая до чертовой переправы, а выбирать другого не было времени, да и смысла тоже, поэтому решение пришлось принять быстро.

«Феникс!» – неожиданно выкрикнула Сюзан, сложив руки рупором, и все остальные согласно закивали. Я долго

находился в недоумении, пытаюсь переварить, что на меня только что повесели ответственность отвечать на все вопросы, которые нью-йоркцев захотят задать. Почему я? Здесь были и те, кто был намного старше и умнее. Та же Сюзан, например.

Выделив нашей группе отдельную комнату небольшого размера, Нора отвела меня в свой кабинет, чтобы задать те самые несколько вопросов:

Как много нас было в самом начале? Около девяноста человек. Откуда мы шли? Из Далласа. Что мы делали с зараженными? Сколько нападений зомби пережили? Были ли те, кого зомби поцарапали, и что с такими людьми происходило потом?

Как выяснилось, пятнадцать выживших в одной группе – очень даже неплохо. Когда Нора похвалила меня за это, я почувствовал укол вины, ведь это была вовсе не моя заслуга.

Были и такие составы, где до Нью-Йорка дойти удавалось лишь трем-четырем людям. Нора поблагодарила меня за предоставленную информацию и, написав что-то на бумаге, всучила ее мне и направила на проверку.

Процесс оказался быстрым и абсолютно безболезненным. Нас всех по очереди впускали в кабинет, – раньше это определенно был мед-пункт, – где спрашивали имя, возраст и номер группы – у нашей – номер двадцать три, – и доставали небольшое серое устройство, по форме напоминающее картонную коробку для карандашей. На нем я заметил окошеч-

ко, которое загорелось, стоило мужчине в белом халате, что проводил проверку, нажать на красную кнопку, как в этот же момент из «коробки» вырвались красные лучи, и устройство издало звук, похожий на импульс.

Объявив, что я здоров и вручив мне аккуратно сложенный синий комбинезон, мужчина кивнул на дверь в противоположной стене – не та, через которую я вошел. Рядом с ней была еще одна, но мне не сказали, куда она ведет. Наверное, там они хранят какие-нибудь лекарства и оборудование.

Я вошел в ту, куда меня отправили. Небольшой тамбур, за дверью которого оказалась душевая. Я быстро скинул грязную одежду, наскоро обмылся и вышел, видимо, в раздевалку, что отделялась от душа тонкой стеклянной стеной. Это была пустая абсолютно белая и очень маленькая комната. Никаких окон, только одна запертая дверь – я толкнул ее, – и корзина, надпись на которой гласила: «для грязного белья». Я побросал свою одежду в нее и развернул комбинезон: в комплект входило также чистое белье, которое я поспешно натянул. И вот, когда я полностью оделся, – комбинезон идеально подошел по размеру, – и уже зашнуровывал свои сапоги, в комнату вошла абсолютно голая Сюзан, но прикрылась комбинезоном быстрее, чем я успел поднять на нее глаза и увидеть что-то кроме ее потрясенного лица:

– Феникс, что за шутки?!

Она была возмущена больше, чем я смущен тем, что стал свидетелем столь интимного момента, и яростно вытолкала

меня обратно в душевую со словами: «сторожи, чтобы никто не вошел, пока я одеваюсь!». Я и встал около двери, предупредив всех, кто входил, о том, что и душевая, и раздевалка – общие, и что переодеваться придется прямо в кабинках. Через некоторое время Сьюзан сменила меня, и я вернулся в раздевалку, где находились уже пять человек: кто-то сидел, кто-то – стоял, кто-то – жаловался на ужасные условия, и этим человеком был Боб. Он оказался таким толстым, что, видимо, ему даже не смогли найти комбинезон по размеру, который теперь смешно обтягивал его живот.

Когда Мия вошла, – лицо ее было непроницаемо, – «К» сидел на корточках в углу. Весь его вид кричал о том, что ему и без того не по себе, но, неожиданно озверев, Мия снова бросилась на него с кулаками, чтобы закончить начатое. Первый удар пришелся по челюсти.

– Ты! Подлая... – она, словно яд, выплюнула неподобающее леди слово и вlepила ему лихую пощечину, – оставив на щеке красный след от своей ладони. – Как ты мог... – Парень выплюнул сгусток алой крови на белоснежный пол, и Мия ударила его между ног, поставив на колени и занося кулак для следующего удара, но «К» не посмел дать ей сдачи.

– Мия! – возмутилась Ребекка, темноволосая женщина лет сорока, и только тогда я сообразил, что этих двоих надо разнять. Я метнулся к Мие, схватив ее и отводя назад, но девушка больно заехала мне локтем в живот, выбив из меня все дерьмо, и я ослабил хватку, но не отпустил. На подмогу мне

поспешила Ребекка, Уилл, Гордон и для вида подошел Боб.

Мия скалилась, норовила вырваться:

«Убийца!»

Пеппер, четырнадцатилетняя белокурая девочка, помогла «К» подняться, и я услышал, как она произнесла его имя:

– Квентин, ты в порядке?

А я-то думал, что он какой-нибудь Кевин или Кайл.

«Ты убил моего отца!» – не унималась Доссон.

К ним подоспела Сью, достала откуда-то чистый платок и вытерла кровь, что текла у Квентина из носа. Должен признать, как бы сильно он не был мне противен, сейчас мне было его жаль.

Представляю, как это эгоистично с моей стороны, но я был благодарен за то, что застрелил Клейтона именно он, и мне не пришлось сделать это самому. Я был благодарен за то, что ненависть Мии была обращена на него, ведь в противном случае это был бы я.

«Я ненавижу тебя...»

Квентин поймал пулю в виде ненависти, хотя эта пуля принадлежала мне.

Он лишь оказался в неправильное время в неправильном месте.

«Скотина».

Глава 4. «Прощание»

*Совсем не знак бездушья – молчаливость.
Гремит лишь то, что пусто изнутри.
Уильям Шекспир*

Было уже два часа ночи или около того. Нас впустили в комнату, где уже спала группа номер двадцать два, прибывшая на пять часов раньше, и раздали спальные мешки. Завтра после обеда всех должны были отправить на Базу, где определяют, кто из нас обладает иммунитетом, а кто им обделен. Однако, была одна маленькая загвоздка.

Зед, Патрик, беременная Эрика и еще две человека так и не присоединились к нам. Нас было восемь, мы все покорно ждали в раздевалке, когда пришла Нора и сообщила, что для нас приготовлены спальные места. На вопрос, где остальные, она ответила, что они не вернутся.

Все знали, что это значило.

Зед, Грейселин, Роджер, Патрик... Все они заражены. Выходит, я был прав насчет Зеда. Настроение у меня было скверное, но я был намерен держаться, а не распускать нюни.

Спали все, кроме меня, Квентина и Мии. Последняя так и не расстелила свой спальный мешок: она сидела на нем и прижималась спиной к холодной стене.

Второй несколько раз просил у девушки прощения. Он

пытался объяснить ей почему ему пришлось убить ее отца, оправдывался как мог, но Мия его демонстративно игнорировала. Она больше не бросалась на него с кулаками и обвинениями, но полный бойкот оказался для бедного парня еще более мучительным.

Возможно, я должен был подойти к Мие и успокоить ее, но за это время я узнал ее характер достаточно хорошо, чтобы быть уверенным в том, что эти самые сложные часы после убийства ее отца Доссон должна пережить самостоятельно.

На четвертый раз, когда Квентин пошел извиняться, я понял, что не выдержу еще одной его исповеди, и подошел к нему.

– Дружище, – тихо начал я и положил руку ему на плечо. Он не был моим другом и даже приятелем, но я должен был так к нему обратиться – в обычной мужской манере, – завязывай с этим. Если она и простит тебя однажды, – я не умел подбадривать, – то это случится не скоро, а своими оправданиями ты все только усугубишь.

На мое удивление, парень не стал спорить. Он легким движением руки смахнул мою руку и пожал плечами. Я вернулся в свой мешок и собирался было устроиться там поуютнее, когда Квентин возник в нескольких дюймах от моего лица.

– Она меня ненавидит, – наконец подытожил он.

Я выбрался из спального мешка и сел в нем, чтобы быть с назойливым собеседником на одном уровне.

– Странно, – нахмурился я.

– Вот-вот.

– Ты всего лишь убил ее отца.

– Я пытался ей объяснить... – между тем продолжил он, будто бы не замечая моего сарказма. Сарказм был моим официальным языком, когда дело касалось раздражающих людей.

– В этом-то и вся твоя проблема, – заметил я. – Вечно оправдываешься, выкручиваешься, как змея на сковородке. Лучше просто соври, что не разобрал в кого стреляешь. И тогда, возможно, когда рассудок вернется к ней и она начнет оценивать ситуацию трезво, а не придерживаясь аргументов: «он был моим отцом», «он убил моего отца», «как он посмел убить моего отца», она не будет думать, что ты ублюдок. И будет неправда.

– Я-то ублюдок? – переспросил Квентин, взглянув на меня таким взглядом, мол: «что ты там вякнул, сопляк?».

– Умоляю, избавь меня от своей исповеди, – взмолился я.

– Обоснуй, что я ублюдок.

– Ну, ты убил ее отца. – Я знал, что в этой ситуации он был прав, но этот парень так сильно меня раздражал все это время, что я не упускал возможности поиграть с его чувствами.

– Я сказал, докажи, что я ублюдок, а не напомни, что я сделал сегодня.

– Я с первого раза отлично услышал, что ты сказал. И да, это аксиома.

Поначалу я планировал отделаться парой колких фразо-

чек, а потом вошел во вкус. Я бы не стал так много язвить, если бы не обнаружил, какое удовольствие мог получать, когда выводил из себя того, кто меня раздражал.

– Сколько тебе лет-то, щенок? – Квентин с отвращением взглянул на меня.

– Восемнадцать, старик. Собаки вообще редко доживают до столь почетного возраста. Если бы я и был хвостатым, то считался бы старожилом, а не ребенком.

Да уж, когда я был ребенком, уровень сарказма точно был пониже.

– Засунь свое мнение себе в задницу. Видимо, тебя не учили уважать старших?

– Я очень трепетно отношусь к себе любимому, – зевнул я, устраиваясь в спальном мешке, – и свое мнение считаю восьмым чудом света, поэтому без причины я не засуну его даже в свой очаровательный зад. Тот факт, что когда я родился, ты уже перестал ходить на горшок, причиной не считается. Доброй ночи. – Довольный, я закрыл глаза, но сна у меня не было ни в одном глазу.

Я пролежал так примерно полчаса, когда Мия вскочила, бросила на меня быстрый взгляд и скрылась за дверью.

Я бросился за ней. Зачем? Я понятия не имел.

Мия наворачивала круги вокруг здания аэропорта, а я неустанно следовал за ней по пятам. Не прятался. Не скрывал свое присутствие от нее. Пусть знает, что я преследую ее и не дам совершить необдуманного поступка.

Она остановилась, когда под подошвой ее ботинок захрустело битое стекло. Напротив нее – окно. Разбитое: на земле сверкало множество острых осколков.

Мия протянула руку и осторожно провела ладонью по оставшемуся в раме стеклу, вздрогнув от холода, который ощутили ее пальцы.

– Мия?

Она не ответила, но я точно знал – Мия услышала.

– Ты в порядке?

Наконец, она повернулась. Ее красные глаза блестели от подступающих слез. В темноте я видел, как ее нижняя губа подрагивала. Мия вскинула голову, невидящими от слез глазами глядя на меня, и начала говорить горячо и раздраженно, как обычно говорят, высказывая долго сдержанную обиду.

– Нет, Джейсон, я не в порядке, черт возьми! Сейчас вообще никто и ничего не в порядке, если уж тебе так хочется знать.

Замолкла. Она тяжело дышала, как после долгого, быстрого бега по горячему песку. Ее плечи и грудь синхронно вздымались, когда она вдыхала прохладный воздух, и одновременно опускались, когда выдыхала. Я по-прежнему стоял столбом, боясь сделать что-то такое, что лишь все усугубит.

– Не Джейсон, – поправил я. Это все, что я смог родить для ответа на ее крик души. – а Феникс.

– Мне плевать!

Теперь Мия действительно сорвалась на крик.

– Тихо, – я медленно приблизился к ней, вытянув правую руку вперед. – Мия, успокойся.

– Не подходи! – завопила она и что есть силы ударила кулаком в живот.

Удар выбил из меня дыхание, но я все-таки удержался на ногах. Отшатнувшись назад, я поднял глаза на нее и покачал головой. Этот толчок выбил из меня весь дух, но не разозлил.

– Могу я задать тебе вопрос? – спросил я осторожно и тихо.

В ситуации, где один сорвался, второй должен держаться. Это было худшее время для экзистенциального кризиса¹.

– Нет, – холодно ответила Мия.

– Ты надеялась, что он все еще был жив? – проигнорировал я ее ответ. Она поняла, что я спрашивал об ее отце.

Последовала минута неловкого молчания, и наконец ее ответ:

– Я надеялась, что он уже был мертв.

Я сочувственно и понимающе кивнул. Нет ничего хуже, чем увидеть, как самый близкий тебе человек превращается в чудовище, забывает тебя и собирается убить.

И тогда она просто развернулась и ушла. Но перед этим сделала кое-что еще.

¹ **Экзистенциальный кризис** – состояние тревоги, чувство глубокого психологического дискомфорта при вопросе о смысле существования.

Мия подошла ко мне почти вплотную и, встав на цыпочки, поцеловала в уголок губ. Она не сказала ничего. Прощальный взгляд и поцелуй – все, что я получил от нее перед тем, как она скрылась у меня из глаз.

Я не стал ее догонять. Это безопасный город, а Мия из тех девушек, кто может с лихвой за себя постоять, но я знал, что утром об этом пожалею. Я дал себе обещание найти ее, чего бы это не стоило. Пытаться вернуть ее сейчас – мар-тышкин труд. Мия разозлится еще сильнее, если я попробую остановить ее.

Этой ночью я так и не уснул. Мысли о Мии не позволяли расслабиться даже после всего, через что я прошел.

За месяцы тяжелого пути я успел убедить себя в том, что в Нью-Йорке все изменится. Город казался чем-то вроде спасительной соломинки, чем-то надежным, способным вытянуть нас всех из этого мрака. Как только мы ступили на его землю, я впервые вздохнул спокойно. Я почувствовал, что камень с души упал.

Я решил, что теперь все будет по-другому.

Я думал, что теперь беспокоиться не о чем.

Я расслабился.

И я ошибся.

Нью-Йорк может и защитит нас от внешней опасности, но точно не от нас самих.

Глава 5. «Начало моего конца»

Помню, я в детстве боялся темноты. И дед спросил меня: «Знаешь, в чем сила Солнца?» Разумеется, я не знал. Тогда он улыбнулся и прошептал одними губами: «Потому что Оно всегда заглядывает в темноту».

Анхель де Куатье

Из дремоты меня вытряхнул отец, уже одетый в его форму: черный комбинезон, заправленный в высокие армейские сапоги того же цвета, и бежевый пуленепробиваемый жилет.

– Эйприл, собирайся.

Я чуть нахмурила брови и села на кровати, заметив за его спиной Шона, держащего в руках игрушечного тиранозавра. Отец обернулся к брату.

– Оставь его, – он кивнул головой на игрушку. – у тебя все равно заберут его там. Туда не надо ничего брать, потому что все самое необходимое там и так есть.

Там – это где? К чему такая спешка? Отец спрягал загадочное «там», оставляя мне лишь догадываться.

Я опустила ноги на холодный пол и выпрямилась, мужаясь и стараясь подготовиться к худшему. Сглотнула и, наконец, задала вопрос:

– Где – там?

– В Штабе, – равнодушно ответил отец. Мое сердце про-

пустило удар.

Я почувствовала как желудок сжался в тугой комок. Я не готова! Еще слишком рано! Мне от силы оставалось три дня до проверки, но это было ценным временем, в которое я пыталась насладиться последними днями привычной жизни: никаких тренировок, дискриминации по возрасту и наличию иммунитета.

Я опустила глаза на ноги Шона, который по-видимому был озадачен не меньше меня, где мой взгляд перехватили зеленовато-желтые глазки Симбы. У меня защемило сердце.

Я часто думала о том, что с братиком я буду видеться гораздо реже. Но я совсем не подумала о коте. Он не сможет прокормить себя сам. Только не в этом городе. Только не этот заласканный кот.

Я не готова была расстаться с этим домом, с воспоминаниями, которые ему принадлежали. Я не могла оставить Симбу одного, но отец никогда не предоставлял мне право выбора. Его слово – закон, и на осознание этого угрюмого факта у меня ушло шестнадцать лет. И потраченное время мне никогда не окупится.

Через несколько минут отец грубо схватил меня за руку, раздраженный моей медлительностью, и вытолкнул за дверь, не дав даже собрать вещи. Я успела только умыться и попить воды.

Я дала себе слово, что вернусь сюда любой ценой.

Порыв холодного ветра со стороны Гудзона шевелил мои волосы, когда я волоклась позади. Я повернула голову и увидела автомат с кофе – мой любимый. Мы с Николетт регулярно покупали здесь горячий шоколад.

Поразительно, как быстро все изменилось. Исчезло все, что мы воспринимали как данность.

Всего год назад никто даже не мог вообразить себе такого будущего для человечества. Для господствующего вида на Земле. Люди, высшие существа на планете, которые некогда считали себя хозяевами Вселенной, теперь пожирали друг друга.

По усеянному трещинами асфальту катился мусор. *Mусор*. Самое безобидное, что теперь можно было встретить на улицах Нью-Йорка. В худшем случае можно наткнуться на разлагающийся труп или хотя бы почувствовать его вонь. Никого больше не заботила чистота этой планеты – экология теперь ни для кого не имела ровным счетом никакой ценности, ведь сейчас загрязнение окружающей среды было самой меньшей из проблем. Но я обману саму себя, если скажу, что теперь люди боролись за выживание, и только за него. Потому что *это не так*.

Когда Капсула только начала распространяться по единственной планете, где есть жизнь, стирая человеческие законы и взамен устанавливая свои собственные, люди грабили банки, магазины с дорогостоящей техникой и бижутерией. Во все времена человека заботили деньги.

И власть. А это выше моего понимания.

Чутье к основным нравственным ценностям отпущено природой на всем в одинаковой мере. Так говорил Фицджеральд еще в тысяча девятьсот двадцать пятом году. И только через сто один год, в две тысячи двадцать шестом, с наступлением апокалипсиса до меня дошел смысл этих слов.

Ад на земле начался осенью две тысячи двадцать пятого. С тех пор прошел год.

Мы боремся с Капсулой уже целый год.

Год, растянувшийся на вечность.

Год без беспокойства о сплетнях, год без глупых недель моды, год без праздников. Рождество, Пасха, День Сурка, День Независимости, Труда, Памяти и Спонтанного проявления доброты больше не существовали.

Шон то и дело оборачивался в мою сторону, чтобы убедиться, что я не отстаю. В ответ я пыталась ободряюще ему улыбнуться и даже помахать рукой, но получалось только жалкое подобие того, как я хотела выглядеть. Папа торопил сына и приговаривал, что идти нужно максимально быстро. И чего это он так волнуется из-за нашей скорости? От кого мы убегаем? Это безопасный город!

– Эйприл, – обратился ко мне отец, когда мы уже стояли у дверей госпиталя, входившего в состав Штаба, – позаботься о брате. Не выпускай его из поля зрения. Не выходите на улицу без присмотра, – он положил руку мне на плечо, и в это мгновение я увидела в его глазах что-то по-насто-

ящему отцовское. Таким взглядом родители обычно смотрят на своих детей, оставляя их и надеясь, что они справятся в одиночку. – С вами я внутрь не пойду, и увидимся мы теперь, скорее всего, не скоро, но... ничего не бойтесь. Вас просто проверят на наличие иммунитета и отправят в то место, куда вам по отряду будет положено. Я найду вас... – последовала небольшая пауза. – Вас обоих.

Я смотрела на него снизу вверх. Изучала его черты лица, такие знакомые. Бритая налысо голова, щетина, гора мышц и военные татуировки, обвивающие руки. Никогда бы не подумала, что расставаться с ним будет так тяжело, но я никогда не признаю этого в слух.

– Ты не скажешь мне, в чем дело? – спросила я, заранее зная ответ.

– Нет.

Я разочарованно вздохнула и отвела взгляд. Что уж с ним спорить и выпытывать ответ? Упрямство я унаследовала именно от него.

– Пап?

Мы оба повернулись на голос. Правильнее сказать, не повернулись, а опустили головы. Малыш Шон смотрел на папу и хлопал мокрыми от слез ресничками.

– Шон, – отец наклонился к нему.

– Я тебя люблю.

– Я тоже вас люблю, – он обнял сына, погладил его по маленькой лохматой головке и выпрямился. Сейчас отец снова

смотрел на меня.

Я видела, как он боролся с желанием обнять меня, но как бы сильно мне не хотелось почувствовать близость человека, который по законам вселенной должен был быть самым важным в моей жизни, неловкость была сильнее. То же самое было и у него – я могла прочесть это по его глазам. Для всех понятная ситуация, где отец должен обнять дочь, и оба обмениваются простыми и искренними «я люблю тебя», но мы были друг другу чужими.

Я по-белому завидовала своим друзьям: у Николетт отношения с отцом были примерно такими же, как у меня с мамой; у Дориана родители были разведены, но он путешествовал с отцом и его женой каждый год. Я же со своим только и делала, что ругалась. Говорила ему много ужасных вещей и заявляла, что без него было бы лучше. Самое плохое – я никогда не просила прощения.

В конце концов отец сдержано кивнул мне и начал читать инструктаж: куда нам идти, что нам делать, как себя вести, куда нас отправят после проверки и прочее. А потом ушел, не проронив в мой адрес ни слова. Ни слова, потому что между нами была плотная стена из лишних слов, которые мы друг другу ядовито бросали при каждой ссоре.

Я проследила за тем, куда он пошел – в сторону аэропорта. Именно туда прибывали все беженцы.

Глава 6. «Однажды беглецы станут теми, от кого бежали»

*Люди думают, что будут счастливы, если
переедут в другое место, а потом оказывается:
куда бы ты ни переехал, ты берешь с собой себя.*

Нил Гейман

Все проснулись под душераздирающие вопли сирены. Стоило первому человеку подскочить и спросить: «фто проифло?», как в комнате появились несколько мужчин в камуфляжных комбинезонах, заправленных в высокие чёрные сапоги, и в пуленепробиваемых жилетах с оружием наготове.

– Всем оставаться на своих местах! – громко объявил, судя по всему, старший по званию мужчина. Он отличался от остальных не только тем, что был накачен больше других, налысо выбрит и покрыт татуировками, но и тем, что на нём был чёрный комбинезон с коротким рукавом, – как у футболики, – и бежевый пуленепробиваемый жилет.

– Инфицированные вырвались на свободу, и теперь вы все рискуете подхватить от них вирус Капсулы или стать их жертвой, – в дверном проёме возникла Нора и просеменила на своих каблуках на середину комнаты, чтобы все могли её слышать. – Сохраняйте спокойствие. Ближе к обеду вас отведут в штаб Иммунных. Не беспокойтесь о своей безопас-

ности: к вам будет приставлена охрана.

– Вырвались на свободу? – ахнула Сьюзан и немедленно выбралась из своего спального мешка. Сначала я подумал, что она испугалась, но следующая её фраза ясно дала понять, что это не так. – Вы что, держали их взаперти?!

– Какое право вы имеете так обращаться с ними? – возмутился я и тоже встал. Я и раньше предполагал, что с инфицированными в городе обращаются не лучшим образом, но всё равно был зол до мозга костей. – Они все были нашими друзьями и союзниками. Пусть они и заражены, но они все ещё те, кем были! Вы должны были помочь им достойно уйти из жизни.

По комнате прошла волна недовольства. Кто-то возмутился, кто-то согласно кивал нам в ответ, а кто-то только просыпался и пытался понять, где находится и кто все эти галдящие люди вокруг.

– Прошу вас вести себя сдержаннее, юноша, – обратилась Нора ко мне. Жестом она велела всем заткнуться, и, к моему удивлению, они замолкли. – Не лезьте в чужие дела. Вам этого никогда не понять. Будучи...

– Ради всего святого, Нора, дай парню высказаться, – неожиданно за меня вступился темнокожий мужчина в чёрном официальном костюме, что возник по правую руку от того, которого я посчитал старшим по званию. – Привет, приятель, я Эштон, – он протянул мне руку для рукопожатия, на что я презрительно фыркнул.

Я чувствовал себя котёнком, которого только что принесли домой и показали детям.

– Он мне нравится, – Эштон обратился к мужчине с тату. – Он ведёт себя, как лидер. Возможно, стоит предложить сделать его командиром группы...

– Он и был лидером нашей группы, – перебила Сюзан. Я изумлённо покосился на неё, вид у неё был воинственный – сейчас она выглядела так, будто была готова сорваться с места в любую секунду, если кто-то посмеет осквернить мою честь.

– А эта девчонка – по-настоящему преданная союзница. Она, как бета у волков, – на лице мужчины появилась кривоватая улыбка.

Эштон указал пальцем на Сюзан. Мне не понравилось, как он говорил о нас в третьем лице.

– Не смейте говорить о нас так, будто бы нас здесь нет! – я начал выходить из себя. При мысли о том, как эти люди обошлись с моими друзьями, как они обращались с беременной женщиной, я поймал себя на мысли о том, что с одной стороны рад тому, что они сбежали.

– Вот! – энергично воскликнул мужчина и прищёлкнул пальцами. Глаза его загорелись, будто бы он нашёл то, что искал. – Это то, что нам нужно!

Он будто искал человека, который мог бы сняться в рекламе его дезодоранта.

Мужчина с тату выглядел суровым и неприступным,

но кивнул. Теперь выжидающий взгляд Эштона был прикован к Норе. Видимо, здесь требовалось и её согласие.

Нора посмотрела на меня так, что я сразу почувствовал себя самым бездарным существом на планете. Точно так же смотрят учителя на детей-дебилов, родители которых заверяли, что ребёнок умён не по годам. И тогда я понял, что любезная женщина, которая так тепло общалась со мной, когда ей были нужны ответы, испарилась в воздухе. Я чувствовал себя так, будто меня обвели вокруг пальца.

Губы женщины сжались в тонкую полоску, брови нахмурились, и я ожидал, что сейчас она выдаст что-нибудь вроде: «под арест этого наглеца», но она сдалась. Нора вздохнула так, словно говорила с кем-то, чей уровень интеллекта был намного ниже её собственного, и поняла, что спорить с такой инфузорией бесполезно. Она снова натянула чопорную улыбку на своё лицо:

– Поздравляю Вас, Феникс. Если Вы окажетесь одним из тех счастливчиков, обладающих иммунитетом, то автоматически станете лидером своей возрастной группы. Всего вам доброго.

И она удалилась.

Не знаю, какое выражение застыло на моем лице, но чувствовал я себя так, будто меня подставили. Лидером?! Я постарался успокоить себя тем, что неизвестно ещё, есть у меня иммунитет или нет. Но если его нет, в этом тоже приятного мало.

Я оглянулся на Сьюзан. Она поймала мой взгляд и улыбнулась. По её глазам и этой улыбке, мол: «да, я добилась своего» я понял, что этого она и хотела. Я вспомнил, как она сказала, что лидером нашей группы беженцев был я. Почему я?

Я почувствовал чью-то руку на своём плече и обернулся. Тот самый мужчина, который за меня вступился.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Пытаешься понять, почему назначили именно тебя, – словно прочитав мои мысли, сказал Эштон. – Если верить Норе, ты шёл сюда от самого Далласа, потерял семью, а теперь и лучшего друга, вступился за него, но не раскис. И насколько я понял, идея быть лидером тебя не особо привлекает.

Я кивнул. Сначала ушла Мия, и я не смог уснуть, потом сбежали инфицированные, мои друзья, которых держали под замком, а теперь ещё и ответственность за целую группу.

– И, наверное, ты слышал, что власти достоин именно тот, кому она не нужна, – заметил мужчина.

– Может, у меня вообще нет иммунитета, и это избавит меня от этой вашей власти, – я постарался сказать это небрежно и как можно более убедительно изобразить беззаботность.

– Думаешь, ты бы прошёл такое большое расстояние, будучи уязвимым перед Капсулой? – Эштон ободряюще похлопал меня по плечу.

В моей голове всплыл образ Мии, и я подумал, что бы она сказала на это. Поздравила бы или абсолютно откровенно посочувствовала? Мне казалось, что за прошедший год я хорошо узнал её, но после смерти отца она изменилась. Я надеялся, что это явление временное, но Мия ушла и совершенно не торопилась возвращаться.

Я не знал такую Мию.

Я знал ту, которая любую ситуацию – неважно, насколько ужасной она бы была, – могла обратить в шутку и умела включить солдата, когда от неё требовалось серьёзное отношение к происходящему.

– Я – сержант Янг, – звучный тембр мужчины с татуировками заполнил весь зал, когда он наконец представился. – Я и мои солдаты будем сопровождать вас в пути до Штаба. Отправляемся уже через полчаса.

Он развернулся на каблуках и скрылся за дверью вместе с солдатами. А мы все остались в комнате и принялись строить догадки.

– Выходит, всё зря? – я сидел поверх своего спального мешка, подтянув колени к груди, когда рядом приземлилась Сюзан, в точности копируя мою позу. – Мы прошли такое расстояние, чтобы оказаться в не менее опасном городе?

– Думаю, их поймают раньше, чем они успеют превратиться в зомби.

Я склонял только слово «они». Назвать своих друзей инфицированными у меня не поворачивался язык. Да, я уби-

вал зомби. Да, я видел, как Оливия убивает заражённых союзников по их согласию. Я видел, как они лишали себя жизни самостоятельно. Но никто из нас не обращался с ними так плохо, а эти люди заперли их, оставили наедине с собой в пугающей неизвестности.

– Как по-твоему, как они сбежали? – спросила Сьюзан.

– Окно, – выдал я неожиданно для самого себя.

Стоило ей спросить, как я вспомнил то стекло, на которое наступила Мия. До этого момента я не уделял должного внимания разбитому окну.

– Думаешь, их заперли в комнате с окном? Очень глупо и непредусмотрительно с их стороны, если они пытались удержать их на месте.

Я лишь согласно кивнул. Разговаривать сейчас ровным счётом не было никакого желания.

– Ты видел Мию? – неожиданно спросила Сьюз, и я почувствовал, как земля уходит у меня из-под ног. – Не могу найти её.

– Видел.

– Она в порядке?

– В полном.

– Ага. И где она?

Я посмотрел на Сьюзан. Её бдительные глаза требовали от меня ответа. Лгать не было смысла. И я выложил ей всё о том, что произошло прошлой ночью. Умолчал я только о поцелуе.

– Феникс, скажи мне, чем ты руководствовался, когда отпускал её?!

– Тем, что Мия – уже большая девочка. Если бы я попробовал ей помешать, боюсь, что от меня бы уже ничего не осталось, – я неудачно попытался свести всё к шутке, но по свирепому выражению лица Сью понял, что ей не смешно. – Успокойся. Это же Мия. Наша Мия. Она вернётся. Держу пари, она уже в пути...

В этот момент дверь распахнулась и в комнату высыпали солдаты с Янгом во главе:

– Пора.

Сюзан метнула в меня убийственный взгляд, призванный, видимо, заставить меня устыдиться. Даже если Мия уже одумалась и идёт обратно, здесь она нас не найдёт.

– Я должен остаться, – выпалил я.

– Ещё чего! – Сюзан гневно сверкнула на меня глазами.

– Что, если Мия вернётся? – вставил я свой аргумент.

– А что, если нет? – опровергла мои предположения та. – Мы не можем рисковать и тобой тоже.

Иногда Сюзан напоминала мне старшую сестру, которой у меня никогда не было. Казалось, неважно, что я натворю, и как сильно она будет злиться, Сью всё равно будет любить меня.

Неожиданно взгляд её смягчился.

– Давай, Феникс, не глупи, – произнесла она, глядя мне в глаза. Пусть Сюзан и была старше, я был выше и смотрел

на неё сверху вниз. – Это не твоя вина, – выдала она, и я удивился тому, что она признала свою неправоту. Комната уже почти опустела, – внутри остались только мы и два солдата, которые, видимо, замыкали вереницу.

– Пожалуйста, идём с нами, – попросила Сью. – Ты нужен нам... Всем нам.

Я выдавил из себя неправдоподобную улыбку и покинул помещение вместе с ней.

Глава 7. «Иммунитет»

Она была из тех девушек, на которых сразу не обратишь внимания, зато потом они нравятся всё больше и больше.

Х. Мураками

Шон хохотал на всю больницу. Почему-то тот факт, что мы просидели около сорока минут на втором этаже, – в то время как должны были быстро пройти проверку на первом без очереди, но я сглупила, – показался ему до коллик смешным. «Эйприл, ты такая смешная!». Хорошо, что какая-то медсестра забрела в коридор, где мы покорно ждали врача, и отвела к нужному кабинету, где уже все битком было набито незнакомцами.

Я отправила Шона в кабинет сразу, как только представилась такая возможность. Он не вышел, не сообщил, обнаружили у него иммунитет или нет, – из кабинета не возвращался никто, и у меня были ужасные подозрения по этому поводу, но, вероятно, оттуда был и другой выход.

Все места были заняты, поэтому я, покусывая нижнюю губу и скрестив руки на груди, облокотилась о стенку.

Лампа над дверью в один из проверочных кабинетов загорелась зеленым светом, сигнализируя о том, что следующий человек может войти.

Фигуристая девушка с черными блестящими, точно

оникс, волосами в темно-синем комбинезоне встала и скрылась за дверью в кабинет, тем самым освободив мне место.

Я оттолкнулась от стены и подошла к сидению, но прямо перед моим носом на него плюхнулся упитанный, даже толстый, конопатый парень с волосами словно из соломы, в таком же комбинезоне, как у предыдущей девушки. Я поджала губы и пожала плечами. Рвать глотку и выяснять отношения сейчас у меня не было ровным счетом никакого желания.

Я уже собиралась уйти и отвернулась, когда почувствовала его руку на моем плече.

Это был молодой парень. Красивый. По-настоящему красивый.

Он являл собой разительный контраст с парнями, которых я видела раньше: весьма высокий, но не слишком, и при этом хорошо сложенный. Его мужественные, резкие черты лица определенно украсили бы любого мужчину. Из чисто ребячьего в нем были только светлые, характерные для многих британцев, вьющиеся волосы. У него были ярко выраженные напряженные скулы, не очень густые дугообразные брови, бледная, как у меня, кожа, и печальные глаза голубого, почти синего цвета, отлично с ней сочетались.

Он мгновение смотрел мне в глаза, но с легкостью от них оторвался, чего нельзя было сказать обо мне. Я продолжала смотреть на него с детским любопытством даже после того, как он прогнал того нахального паренька с соломенными волосами и веснушчатый носом.

«Чеши отсюда, Боб. Ты не услышал? Вон отсюда.»

Видимо, Боб сумел уловить угрозу в его голосе, – хотя если учитывать то, каким тоном голубоглазый парень эту фразу произнес, чтобы не услышать эту самую угрозу, нужно было быть совсем глухим, – так что нахмурился, покачал головой и все-таки покорно встал.

Я шумно вдохнула воздух в легкие, которого мне так не хватало с момента, как я поймала его взгляд, и аккуратно опустилась на сидение. Голубоглазый сидел слева от меня. Вид у него был крайне скучающий и болезненно холодный.

– Спасибо, – выдохнула я.

– Не стоит благодарности. – равнодушно парировал он, даже не удостоив меня взглядом.

«Не стоит благодарности».

Эту реплику я привыкла слышать в доброжелательном тоне и сопровождаемую широкой улыбкой на лице. Минуту назад в моих глазах он выглядел мягче. По отношению ко мне, не к Бобу.

Ему, видимо, все сидевшие в коридоре надоели так, что и смотреть на них ему было очень скучно. Казалось, он был не предназначен для всего этого. Он не вписывался в окружающую среду: *их* изнеможенные лица, полные страданий, и его *сдержанное*. Высоко поднятая голова, но скучающий взгляд, будто ничто не могло удивить или напугать его.

Но эта сухость пугала и отталкивала. Лучше быть уязвимой, но живой.

Здесь у каждого была своя трагедия. Не было ни единого выжившего, который не был бы морально искалечен. Многие из них сдавались, убивали себя, а он держался на редкость стойко, и я решила, что он ожесточился после всего, что видел, и потому смерть вокруг не слишком его тревожила.

С таким же серьезным выражением лица принц восседает на троне рядом с величественными родителями.

И тогда я задумалась, что случилось с его родными. Хоть кто-то из них уцелел?

Я надеялась, что он посмотрит на меня. Хотела поймать его мимолетный взгляд безо всякой причины и убедиться в том, что он человек. Такой же, как и я. Но он сидел с каменным лицом.

А с чего бы ему было вообще смотреть на меня? Если он прогнал того парня, предоставив место, где я могла бы прилечь, еще ничего не значило.

Очередь продвигалась не слишком проворно. Некоторые, казалось, уже приросли к сидениям, а кто-то – готов был лезть на стенку, лишь бы хоть как-то скоротать время. Девочка лет тринадцати-четырнадцати, сидевшая напротив меня, в тысячный раз пересчитывала свои пальцы, точно переживая, каждый ли был на месте. Я поймала себя на том, что проделывала то же самое.

В воздухе повисло тяжелое молчание. Оно давило на меня, точно океанская вода. Если вы не в курсе, под водой давление увеличивается на один бар каждые десять метров. Глу-

боко под водой на каждый квадратный сантиметр человеческого тела приходится вес, равный весу вагона пассажирского поезда. Это давление, как мне казалось, можно было сравнить с тем, что чувствовала я.

Охваченная смятением, я нервно заломила руки и заметила, что многие присутствующие здесь занимались тем же. – Я Эйприл, – выдала я, когда тишина стала мучительной.

Наконец, я привлекла его внимание. Он лениво повернул голову в мою сторону. Его губы искривились в слабой улыбке:

– Феникс.

Едва я открыла рот, чтобы спросить, почему у него такое странное имя, Феникс отвернулся, смахнув с рукава – он был облачен в комбинезон того же цвета, что его соседка и толстяк, – пылинку.

Я приподняла брови и опустила глаза в пол. Мне казалось, чтобы завести друзей, нужно вести себя мило. Но как я могла это делать, если мне не давали ни единого шанса?

Я шумно вздохнула. По телу пробежали мурашки, наверное, от холода.

Было так тихо, что мне казалось, все только на меня и смотрели. Я подавила желание проверить, не размазалась ли тушь по моему лицу, а потом вспомнила, что у меня не было времени взять с собой зеркало.

Я всегда считала себя общительным человеком. Я легко сходилась с другими людьми вне зависимости от возраста.

Но это только на первых парах: чем дольше мы были знакомы, тем чаще я срывалась.

Я часто злилась, но предпочитала держать это в себе. Со старыми знакомыми это правило не работало – я высказывала в лицо все, что думала, в особенности когда им этого не хотелось. Так я и теряла друзей. Будучи самой общительной в классе, я была и самой вспыльчивой, и, как следствие, самой одинокой.

Изменил ли меня апокалипсис? Я часто задавалась этим вопросом. Но точного ответа на него не было ни у кого – я все время сидела дома, видела не так много смертей и долго не общалась с другими людьми, поэтому не могла знать наверняка. Но я точно знала, что стала старше. Я повзрослела. Когда ушла мама.

Тогда мне многое пришлось переосмыслить.

Всегда ли был таким замкнутым Феникс? Может, он был главным сорванцом школы? Или напротив – главным ботаником? Самым красивым? Или страдал от невзаимной любви? Может, все вместе?

Что сделало его таким холодным? Гибель семьи? Любимой девушки? Все это сразу? Или он был таким всегда?

В моей голове был целый ворох вопросов, не дающий покоя. Найду ли я на них ответы?

Возможно. А, может, и нет.

На землю меня вернул легкий ветерок, когда Феникс прошел мимо. Он повернул ручку и скрылся в дверном проеме.

Значит, я была следующей.

Я занервничала. Что меня ждет? Что представляет из себя эта проверка? Такая же, как на наличие иммунитета?

Я стучала короткими ноготками по подлокотнику. Я отстала от своих одноклассниц: уже в тринадцать лет каждая из них обзавелась ярким маникюром и длинными ногтями. Я же в свою очередь всегда коротко подрезала их и наносила прозрачный, иногда цвета нюд, лак. А сейчас я перестала их красить – уж не до этого – а взамен начала грызть. Когда мама болела, я изгрызала их до крови.

Не удивлюсь, если окажусь обделена иммунитетом. Я всегда считала себя ничтожной и слабой. Даже сейчас, когда я – одна из последних уцелевших, по-прежнему думаю, что это чистой воды везение и умение выкручиваться, поэтому мое существование сейчас не имеет ровным счетом никакой ценности и практической пользы.

Прошло семь, или больше минут, когда подошла моя очередь.

Первое, на что я обратила внимание, оказавшись в кабинете – сильный запах медицинского спирта. Раньше, до апокалипсиса, я ненавидела его. А теперь даже рада вдохнуть его, ведь это – одна из скудного списка привычных вещей, что еще сохранились. Приятная на внешность темнокожая женщина принялась задавать вопросы:

Как меня зовут? Эйприл Янг. Сколько мне лет? Шестнадцать. Откуда я? Из Нью-Йорка. Живы ли мои родственни-

ки? Брат и отец. Как погибли остальные? Часто ли я болею?

Женщина взяла со стола устройство, – такими же нас проверяли на наличие вируса, – и нажала на кнопку, когда поднесла к моему лбу.

– Ты здорова, – сообщила она и отложила вещь в сторону.

– Знаю, меня уже проверяли, – заметила я.

– Да, но повторная проверка никому никогда не мешала, – подчеркнула медсестра. – Будь добра, дай мне средний палец любой руки, – она кивнула на белое устройство, – на вид похожее на современную швейную машинку, – что стояло на отдельной такой же белой тумбочке с трубками, и скорее всего это было продолжением прибора, а не просто подставкой.

Я с сомнением покосилась на устройство, но протянула палец левой руки. Доктор вылила на ватку какую-то синеватую жидкость, пахнущую спиртом, и протерла ею мой палец так, словно собиралась сейчас взять кровь на анализы.

– Что это? – спросила я, кивнув на баночку с жидкостью.

– Новый улучшенный спирт, – коротко ответила женщина и поднесла мой палец к иглке – такими же берут кровь в обычных поликлиниках – устройства. – Сейчас будет больно, – предупредила она и нажала на красную кнопку рядом. Игла больно кольнула палец, но кровь не потекла, как это всегда бывает, а каким-то образом затекла внутрь иглы, поднялась по ней внутрь устройства, и то пропищало. Коротко и один раз. Прошло некоторое время, и оно пропищало

такими же коротенькими гудками три раза. – Поздравляю, у тебя есть иммунитет.

Доктор улыбнулась мне и вручила такой же синий комбинезон, какой был у Феникса, и кивнула на один из выходов.

Я растянула свои губы в деланной улыбке, поблагодарила женщину и толкнула дверь.

Глава 8. «Наша вина»

*Совесть мучает обычно тех, кто не виноват.
Эрих Мария Ремарк*

— Я не хочу, папочка. Не заставляй меня. Мне страшно. Клейтон Доссон смотрел на плачущую дочь. Ей всего девять лет, а она уже пережила такое горе. И за что это ребенку?

Мия всхлипнула, утираясь одеялом. Ее уже пятый день мучали ночные кошмары, после которых она, плачущая, просыпалась в холодном поту.

– Доченька, тебе надо поспать. Все люди должны спать, – мягко сказал он и присел на краешек кровати, чтобы быть с девочкой приблизительно на одном уровне.

– Что, если спать не так просто, как кажется? – Мия, похоже, начала успокаиваться и говорила тихо.

– Ты растешь, милая. Нельзя допустить, чтобы твой организм был истощен из-за страха перед снами, – Клейтон много времени проводил с дочерью, играл с ней и учил чему-то новому, но никогда не был с ней по-настоящему близок. Добиться доверия Миши на эмоциональном уровне могла только ее мать, что погибла в автокатастрофе совсем недавно. Клейтон понятия не имел, как успокоить бедную дочурку и по этой причине сейчас чувствовал себя самым

невнимательным отцом на планете.

– Нет! Нет, папа! Я больше никогда не буду спать! – неожиданно девочка закричала. – Я лучше перестану расти и умру, чем... чем... чем снова... – и зашлась плачем.

– Не говори так, котенок, – Клейтон привлек дочь к себе и заключил в теплые отцовские объятия. – Ты же у нас сильная. Мама будет гордиться тобой, если ты...

– Мама умерла! – возразила Мия. – И Джуди тоже!

– Нет, нет... Они всегда будут с тобой... С нами... Не расстраивай их, – взгляд мужчины упал на бардак в комнате девочки: после аварии Мия была вне себя от отчаяния и разрушила большую часть своей комнаты – всюду лежали осколки, разорванная бумага и прочее. Вот чего ей стоило держаться на людях: за всеми этими улыбками стояли нескончаемые нервные срывы. Люди видели Мию счастливой, открытой, доверчивой и простой. Но в действительности Мия была ужасно несчастна, замкнута в себе, неприступна и самокопательна.

– Я все уберу, – пообещала она.

– Не сегодня, – возразил отец и улыбнулся. – тебе надо выспаться. Постынь со мной. Я буду охранять твой сон.

Эта девочка не подпускала к себе никого, но гибель тех, кого все же подпустила, была для нее настоящим ударом.

– Пап, – позвала Мия, уже пригревшись под одеялом отца, как котенок. – никому не говори, что я сделала в своей комнате. Никому, ладно?

– Конечно, милая, – Клейтон поцеловал дочку в лоб. –
а теперь спи. Спокойной ночи.

Он погасил свет.

– Пап? – раздалось через полчаса.

– Да? – сонным голосом отозвался Клейтон.

– Пообещай, что никогда не оставишь меня.

Он пообещал.

Мия

В детстве я часто пропускала последнюю ступеньку на лестнице и, когда пролетала ногой эту самую ступеньку, пугалась – да так, что, казалось, разом дух из меня вышел.

Сейчас я чувствовала то же самое. Не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть, а шевелиться тем более опасно было – ногу отхватило бы: я угодила прямо в капкан.

Тишина. Вокруг ни звука. Нью-Йорк застыл, и я не ручалась предположить, когда желтые такси снова будут ездить по дорогам, как кровь передвигается по венам.

Я прошла, думаю, не очень большое расстояние. На дорогу до этой злополучной арки у меня ушло около трех часов. Я понятия не имела, куда направляюсь, а теперь и думать не приходилось – или я схохну в этом капкане или кто-то меня спасет и отведет к людям. Я склонялась больше ко второму варианту, но выбирать не приходилось.

И каким идиотам пришло в голову расставить здесь ловушки?! Они что, рассчитывали поймать зомби? В безопас-

ном-то городе?

Вполне вероятно, что капканы старые, и расставил их какой-нибудь безумный горожанин.

Я подняла глаза и с досадой обнаружила, что капканы здесь на каждом шагу. Добрый десяток пустых капканов и никаких пойманных зомби. Зато попалась я.

О чем я только думала, когда приняла решение уйти? Что я собиралась делать дальше? В аэропорту было относительно безопасно: адекватные люди, оружие, пропитание. А здесь – асфальт сплошь усыпанный капканами и я наедине с остатками от некогда личности.

Я опустила глаза на свою ногу. Наступила на капкан я правой. К счастью, он не сработал от малейшего касания. Только вот практической пользы от этой удачи сейчас ровным счетом не было никакой – если я попытаюсь самостоятельно выбраться, он захлопнется, и тогда я останусь без ноги.

И тут мою голову посетила чрезвычайно важная информация: наверняка на капкане была инструкция, где написано, как его выключить. Я пробежалась глазами по всему сооружению, но ничего такого не нашла. Бросила взгляд на остальные ловушки, расставленные вокруг, – тоже пусто. Ну, конечно! Все люди умеют читать, а капканы с такой целью здесь и поместили, – поймать их.

Почему никто не предположил, что сюда могут угодить здоровые? Хотя, кто в здравом уме стал бы здесь шляться? Наверняка всех предупреждали, где ходить запрещено. Ис-

кать виноватых теперь не было никакого толка.

– Просто не шевелись.

Моя голова мотнулась в сторону, откуда послышался мужской голос.

Светловолосый парень с мягкими чертами лица осторожно приближался ко мне, вытянув руки вперед. Этот жест, видимо, призван был убедить меня в том, что его обладатель не причинит мне зла. Во взгляде его зеленых глаз читались исключительно благородные намерения, заставляющие против воли довериться ему.

– Я здесь, чтобы помочь тебе, – мягко произнес он, и только сейчас я заметила винтовку за его спиной и еще какой-то – мне не было видно издалека, – аппарат, висящий на его шее, как бейдж.

– Будешь болтать или спасешь меня? – раздраженно спросила я.

Парень быстро кивнул в знак того, что понял мой настрой. Он подошел ближе и снял винтовку с плеча.

– Кто ты такой? – осведомилась я и с подозрением покосилась на его оружие.

– Рядовой Теллер, – представился он. – Сегодня я патрулирую эту улицу, но сейчас не лучшее время для разговоров.

Я кивнула в знак согласия. Облегчение от того, что он пришел ко мне на помощь, и замешательство по той же причине, видимо, ясно читались в моем взгляде, потому что Теллер усмехнулся, и ласково произнес следующее:

– Не бойся, – уголки его губ скривились в слабой улыбке. – Обхвати меня за шею и держись крепче.

Я покорно обвила руками его шею и посмотрела вниз, на мою ногу. Она все еще была в опасности.

– Оттолкнись от асфальта левой ногой, – скомандовал он, и я повиновалась. В этот же момент Теллер поднял меня, и обе мои ноги оказались в воздухе за долю секунды до того, как капкан с громким лязгом захлопнулся.

Я против воли охнула и шумно выдохнула. Моя голова оказалась на его плече, и я не торопилась отстраняться. Впрочем, как и он. Я была слишком напугана последними событиями, чтобы после этого сразу же оказаться на ногах без посторонней поддержки. Судя по всему, он это понимал, и не задавал лишних вопросов, за что я была ему бесконечно благодарна.

Восстановив дыхание, я отстранилась, и Теллер ногой отбросил уже закрывшийся капкан в сторону.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Не за что, – Теллер широко улыбнулся. – Отойдем?

Он развернулся на каблуках своих военных сапогов и, не дожидаясь ответа, вышел из арки на свет. Я последовала за ним.

– Прости, но я должен кое-что проверить, – он снял с шеи устройство, каким в аэропорту нас проверяли на наличие вируса. Теллер поднес его к моему лбу, и из устройства вырвались красные лучи, – такие же, как на кассе в супермарке-

те, когда кассирша пробивает товар, – предмет издал звук, похожий на импульс, и губы парня расплылись в улыбке. – Поздравляю, ты не заражена.

– Я в курсе. Мой комбинезон разве ни о чем не говорит?

– Мало ли сколько на свете одинаковых комбинезонов?

Я скрестила руки на груди. Что толку здесь стоять, переминаясь с ноги на ногу? Я оглянулась по сторонам, пытаюсь найти дорогу по которой пришла. Нужно вернуться в аэропорт.

– И куда ты собралась? – спросил Теллер, когда я развернулась и пошла в другую сторону.

– Хочу вернуться в аэропорт, – холодно ответила я, не удостоив его даже мимолетным взглядом. – Я не местная.

– Хорошая идея, – заметил он. – Только вот оттуда все уже ушли.

– Куда? – я нахмурилась.

– Эвакуация, – беззаботно парировал он, так, будто нечто, что и стало причиной эвакуации, не имеет ровным счетом никакой опасности. – Ты, должно быть, и без того знаешь, что группа инфицированных вырвалась на свободу...

– Что?

– Группа инфицированных...

– Я с первого раза услышала. Как это случилось? Где они теперь?

– Разгуливают по Манхэттену, – Теллер пожал плечами. – Я патрулирую здесь с целью засечь их группу. Для того и кап-

каны – мы хотим загнать зараженных в арку, откуда они уже не смогут убежать. У нас везде камеры стоят. Так я и нашел тебя.

– И какой толк был идти через полстраны, чтобы попасть в не менее опасное место, как Даллас? – возмутилась я.

– Ну, – протянул парень. – Формально, это из-за вас и произошло. Это ведь зараженные из прибывших сбежали. Если бы в город не впускали других людей, мы бы сейчас были в безопасности.

Мой желудок сжался в тугой комок.

– И что теперь будет? – в ужасе спросила я.

– Если ты иммунная, тебе ничего не грозит, – пояснил Теллер. – А вот если ты иммунитетом обделена, твое здоровье в большой опасности.

Я сглотнула.

– Все это время я была рядом с зараженным отцом, но все еще здорова. Значит, у меня есть иммунитет?

– Скорее всего. Но никакой гарантии все равно нет.

– Час от часу не легче.

– Это верно, – согласился Теллер. – Я, кстати, Дориан. И я отведу тебя в Штаб.

Глава 9. «Всех цветов, форм и размеров»

*Самые глубокие противоречия между людьми
обусловлены их пониманием свободы.*

Карл Ясперс

У меня обнаружили иммунитет от Капсулы.

Медсестра поздравила меня, когда сообщила результат, а после указала на дверь, за которой оказалась пустая душевая – принять тот факт, что у них здесь и мужская и женская совмещены, было сложно. В раздевалке за письменным столом сидела седая женщина и клевала носом – тогда я понял, что сейчас душ был просто подобием коридора и никем не использовался по назначению.

Подняла глаза на меня она только когда я кашлянул.

– Ваше имя? – прохрипела она.

– Феникс.

Старушка приспустила очки на нос и посмотрела на меня так, будто хотела убедиться в том, что линзы ее не обманывают.

– Молодой человек, я не намерена обсуждать мифологию, какой бы занимательной она Вам не казалась. Вы должны выйти отсюда, пойти прямо по коридору, свернуть налево и оказаться в столовой. Положено записывать всех, кто ту-

да проходит. С Вашего позволения, я хотела бы узнать Ваше и...

Ее глаза неожиданно закрылись и голова бессильно повисла на шее. Неужели уснула!

Я бросил на спящую старушку быстрый взгляд, усмехнулся, взял ручку, лежащую на столе, записал в тетради со списком свои настоящие имя и фамилию и вышел за дверь. Пошел прямо по коридору, свернул налево и оказался, как и обещала та сонная женщина, в столовой.

Это было большое помещение, освещаемое светом из открытых окон, где почти вплотную друг к другу стояли восемь длинных столов с тарелками. Здесь было шумно и людно. Со всех сторон галдели незнакомые люди. Все они были разного возраста и разных параметров. Казалось, эта комната сейчас кишела разнообразием человеческих рас. Даже цвета комбинезонов здесь присутствовали самые разные: бежевые, серые, черные, темно-синие – как у меня, – красные. Люди в черной одежде, я заметил, выглядели более подкаченными и больше других походили на солдат.

Окинув помещение беглым взглядом, я подумал, что было здесь кое-что, что объединяло всех этих людей: должно быть, иммунитет.

Я нашел глазами стол со знакомыми лицами – за ним пока почти никого не было, кроме Сюзан, Квентина и еще какой-то незнакомой рыжеволосой девушки, уткнувшейся в свою тарелку.

Я уселся напротив незнакомки. Слева от меня сидела Сьюзан, а Квентин – справа. Выглядел парень ужасно. Должно быть, его до сих пор совесть мучила. К горлу подступил сухой комок, и я закашлялся, когда понял, что почти забыл о Мие.

Сью копошилась в тарелке, Квентин демонстративно игнорировал свою, а я рассматривал мясо неизвестного происхождения, лежащего вместе с макаронами. Аппетитно это не выглядело, но я слишком проголодался, чтобы привередничать. Когда я в последний раз ел горячее?

Недолго думая, я принялся за еду. Все молчали, и я наслаждался небольшой передышкой, пока в столовую не ворвалась неуклюжая девушка.

Эйприл, спотыкаясь, добралась до нашего стола и села напротив Сьюзан, по левую руку от рыжеволосой. Она пробежалась взглядом по всем нам, будто оценивая, кто из нас готов почесать языком. Видимо, никто не подошел под категорию «болтливый», и девушка уткнулась в свою тарелку.

В столовой становилось все теснее, ровно как и за нашим столом. Мне это абсолютно не нравилось, чего нельзя было сказать о некоторых из нас. Сьюзан, как и всегда, решила выставить себя максимально дружелюбной и милой перед новыми соседями:

– Ну что? – она улыбнулась и посмотрела на всех по очереди. – Давайте знакомиться.

– Кристоф, – отозвался какой-то рыжий паренек на вид

лет семнадцать.

– Я Эйприл, – подала голос девушка. Сейчас она определенно чувствовала себя не в своей тарелке.

– Я Сюзан из Аризоны, – представилась Сью.

– О! Я была там с родителями полтора года назад, – сообщила Эйприл. – Еще до...

– И как? – поинтересовалась МакМартин, и по ее лицу было видно, что ей действительно интересно.

– Мне понравилось. Я навсегда запомню, как мы заглохли на сто шестьдесят третьем шоссе, и пришлось стоять там целых четыре часа, пока какой-то хороший человек не остановился, чтобы помочь. Впрочем, он был единственным, кто вообще за эти четыре часа проехал там, – с гордым видом сообщила Эйприл и захихикала. Я заметил, что она осваивалась в новой компании. – Мы тогда ехали в Долину монументов.

– И как, доехали?

– Да. Кстати, мне понравилась ваша фрукка. И стоит недорого. Всего три доллара.

Эйприл и Сюзан сразу спелись. Первая, похоже, была счастлива встретить такого общительного человека, готового болтать до посинения, а последняя обрадовалась возможности отвлечься и вспомнить прошлое.

– А я ни разу ее не пробовала, – пожала плечами Сью. – Вот ведь туристы!

– А я местная, – сказала Эйприл, слишком общительная

для ньюйоркцев и их быстрого темпа.

– Я сразу поняла, что ты живешь здесь. Вы, ньюйоркцы, по-особенному растягиваете гласные, – заметила Сюзан.

– Правда? Я никогда не обращала внимания на акцент, – Эйприл поковырялась в своей порции, по-видимому, пытаюсь расщепить мясо на атомы, и в конечном счете отодвинула тарелку, которую тут же присвоил себе прожорливый Боб.

Ну, конечно! Ей не нужно было пешком передвигаться по штатам, кишашим зомби, и уж точно ей не приходилось голодать или изнывать от обезвоживания, и поэтому эта еда казалась ей отвратительной. Неужели ждала ресторан?

– Кстати, Эйприл, – обратилась Сюзан к ней, прервав мою мысль. – это... Феникс, – и указала на меня, – Феникс, это Эйприл.

– Мы знакомы, – в один голос бросили мы с ней.

Я посмотрел на Эйприл и улыбнулся краешком рта. Та немедленно залилась краской и, кажется, собиралась уткнуться в тарелку, но на ее месте оказался пустой стол.

– А я-то думала, что в Америке меня ждут вечеринки у бассейна и прочее, – рыжеволосая девушка, что сидела рядом со Сюзан, неожиданно заговорила, и я сразу узнал русский акцент. У нее был умный вид. – Что-то пошло не по плану, – она поджала пухлые губы. – Я Ева.

– Ха! А где твой Адам? – выкрикнул Боб, и мне вдруг стало стыдно за него. Ева, явно шокированная его глупой выходкой, снова поджала губы, а ее брови поползли вверх.

– О! Ты из России? – обрадовалась Эйприл, и Ева кивнула.

– Вот видишь, а ты говорила, что не обращала внимания на акценты, – улыбнулась Сюзан. – Приятно познакомиться, Ева. Добро пожаловать в Америку.

Когда я был ребенком, наши страны соперничали. Со временем ситуация постепенно улучшалась, и в итоге США и Россия стали сотрудничать. Потом пришла Капсула и разрушила все границы между нациями.

Больше не было американцев, китайцев, русских или финнов. Теперь мы все были просто выжившими.

– Я изучала молекулярную биологию в Гарварде два месяца, а потом пришла болезнь, и я отправилась на родину. В Нижний Новгород. Там все было спокойно, поэтому родители не хотели отпускать меня обратно в Америку. Я едва убедила их в том, что место в университете слишком ценное, чтобы уходить с первого курса, а потом просто потеряла с ними связь. Они должны быть живы. Нижний Новгород в России сейчас вроде Нью-Йорка здесь – там собрались выжившие со всей России, Украины, Казахстана, Беларуси и Финляндии. Их количество обнадеживает, – поведала Ева. Что ж, хорошие новости сейчас были очень кстати. Я никак не прокомментировал ее слова, но про себя отметил, что это стоит взять на заметку.

– И сколько там здоровых людей? – осведомилась Мак-Мартин.

– В четыре раза больше, чем здесь.

– Ух ты! – Эйприл была в восторге. – А почему ты не можешь вернуться?

– Перелеты запрещены. Я могу привезти туда какую-нибудь дрянь, о которой мне самой неизвестно, и нарушить хрупкое равновесие в мире, к которому люди едва сумели прийти, – констатировала русская.

Она называет это равновесием?

– Что еще тебе известно? – против воли я заинтересовался и задал вопрос.

– Большая часть Скандинавии выжила из-за холодного климата, однако всех людей оттуда эвакуировали. Теперь эти страны выступают в качестве штаб-квартир ученых, которые изучают Капсулу, – ответила она.

– Еще что-то?

– В Вене сейчас около тысячи выживших. В Мюнхене столько же. В Гонконге и в Рио примерно две тысячи человек. В Австралии, в Аделаиде около семиста, – перечисляла Ева. *Все-то она знает. Откуда она все знает?* – Шансы человечества не велики, но все же они есть.

– И откуда тебе все это известно? – отсутствующим тоном бросил я.

– Я проходила проверку на наличие иммунитета два раза. В первый раз устройство определило меня как не иммунную, а во второй – выяснилось, что это ошибка, но я уже успела стать довольно-таки опытной ассистенткой ученых, поэтому

наличие иммунитета просто дало мне защиту. Я буду жить и питаться вместе с вами, но работать буду на прежнем месте.

Значило ли это, что и наши тесты могли быть ошибочными?

– Не зря ты училась в Гарварде, – усмехнулась Сьюзан.

– Да, мне не придется драться и учиться стрелять, чего не скажешь о вас, ребята, – Ева поджала губы.

– Да мы это и так умеем, – усмехнулась Сьюзан.

Я покосился на Эйприл. Ну не сказать было, что она хоть раз автомат в руках держала.

Следующие несколько минут мы просидели в молчании. Никто из столовой не уходил, поэтому мы тоже оставались на своих местах, ожидая дальнейших указаний. Сьюзан, наевшись, накручивала локон на палец, Ева с умным видом рассматривала присутствующих, Эйприл барабанила пальцами по столовому покрытию и явно кого-то выискивала в толпе, а Квентин подпирал подбородок кулаком и в задумчивости стучал по столу в такт Эйприл. Что-то в его позе явно насторожило Еву, и она, неожиданно оживившись, спросила:

– Эй, парень, а тебя как зовут?

Квентин не сразу понял, что обратились к нему, но в итоге представился.

– Красивое имя, – заметила Ева. – А фамилия?

Квентин нахмурился и в недоумении глянул на нее. У ме-

ня вытянулось лицо. Я тоже был сбит с толку таким вниманием к нему со стороны Евы. Да, он, может, и кажется девочкам симпатичным, но... Заметив выражение наших лиц, та хохотнула.

– Я знаю, о чем вы оба сейчас подумали, но нет, у меня есть парень, – сообщила она. – Просто стало интересно, но если тебе жалко... – девушка изобразила разочарование на своем хорошеньком лице и пожала плечами.

– Нет-нет, вовсе не жалко, – поспешно извинился Квентин. – Сарандон. Это моя фамилия, – сказал он, и я про себя отметил, что Ева та еще манипуляторша.

Ее зеленые глаза загорелись. Возможно, я себе это вообразил, но Ева именно это и надеялась услышать. Она точно спросила у него не просто так.

– Оу... Здорово... Эм, и откуда ты? – сначала она показалась мне растерянной, но это длилось ровно секунду.

– Из Кливленда.

Ева открыла рот, чтобы что-то сказать, но слов так и не произнесла. Я видел откровенную борьбу на ее лице. Да что же с ней не так? Готов поспорить, когда Пржевальский нашел в Монголии диких лошадей, его выражение лица было таким же.

От необходимости объясняться ее спас сержант Янг, чье появление просто нельзя было не заметить: неожиданно все, чьи комбинезоны не были темно-синими, поднялись со своих мест, отдавая честь, и мы последовали их примеру.

– Новобранцы! – его звучный тембр заполнил всю комнату. – Выйти вперед.

Я и Сьюзан переглянулись, но все вместе мы выполнили его приказ. Я оглянулся. Вперед вышли все до единого, кто носил темно-синий. Вот что значил наш цвет – новички.

– Я пришел сообщить вам ваше расписание, – он оглядел всех нас. – Стоит начать с того, что вашим тренером буду я. Подъем у всех без исключения в шесть утра. Вместе со своим командиром, – он поманил меня рукой, как бы говоря: «подойди», – вы идете на получасовую пробежку. После возвращаетесь сюда и идете на завтрак. Далее у вас тренировка с восьми до двенадцати и перерыв на обед. С часу до трех – тренировка. С трех до четырех – передышка. Слишком большая передышка, в будущем она будет сокращена. С четырех до шести – стрельба. Потом ужин и свободное время. Отбой в десять. О дополнительных мероприятиях вам сообщит, – мужчина хлопнул меня по плечу, да так, что я покачнулся, – ваш командир, к которому будут поступать все приказы.

– А выходной у нас будет? – выкрикнул Боб.

Выражение лица сержанта Янга изменилось. Он усмехнулся и со злобной улыбкой указал на толстяка:

– Жирному нагрузку удвоят.

Кто-то сзади засмеялся. Остальные оказались умнее и промолчали.

– И тому веселому парню тоже, – заметил Янг. Казалось, ситуация его забавляла, но неожиданно его тон похолодел. –

Отныне вы все – одна семья. Я не потерплю, если кто-то из вас будет сдавать друг друга или как-то насмехаться. Провинится один – наказаны будут все. И это правило действует с этого самого момента, как только я его произнес.

Мертвая тишина. Все до единого молчали. Новобранцы выглядели ужасно напуганными, но только не Эйприл. Она была напряжена, но не удивлена. Оглядывая толпу, я заметил, что новобранцами считались только люди в возрасте от шестнадцати до двадцати пяти. По крайней мере, на вид. Остальные – те, кто старше, – из нашей группы были в серых комбинезонах.

– Надеюсь, вы все усвоили, – бросил он и развернулся на каблуках. – В вашу комнату вас отведет рядовой Фурлер, – он указал на мужчину лет тридцати шести в черном комбинезоне, что стоял за его спиной. – А ты, – Янг указал на меня. – подойди ко мне.

Пока сержант Янг объяснял мне о завтрашней пробежке, я заметил, как Ева, оглядываясь, чтобы проверить, не увязался ли за ней хвост, поспешно выскочила за дверь.

Глава 10. «По-прежнему братья»

*От тех, кого слишком любишь, держись
подальше. Они-то тебя и прикончат.*

Донна Тартт

Запыхавшаяся от быстрого бега, я стояла под его дверью, пытаюсь восстановить дыхание. Слегка отдышавшись, я постучалась.

– Марк!.. Марк, это Ева.

Он – моя тайна.

Я услышала, как он повернул замок, отошла, чтобы дверь меня не задела, и улыбнулась, когда увидела *его*. Мой Марк. Неважно, что случится, я всегда буду ободрена одним только его присутствием.

– Что с тобой? – изумился Марк моему внешнему виду. Красные щёки, тяжёлое дыхание и растрёпанные волосы, догадалась я.

– Я торопилась сюда, – и вошла в его квартиру.

Маленькая и уютная. Яркие обои и прочее создавали атмосферу тепла.

Неожиданно губы Марка накрыли мои, а я сама оказалась прижата к деревянному шкафу. Я хотела его поцеловать, правда хотела. Но сейчас должна была сообщить ему одну из самых важных новостей в его жизни.

– Марк, не сейчас... – я оттолкнула его, и едва не засмеялась при виде замешательства на его лице, когда парень отстранился.

Он такой забавный. Такой забавный! Всегда идеально уложенные светлые волосы, шоколадного цвета глаза, доброе лицо, крупное тело спортивного телосложения. И я не могла не отметить, что ему ужасно шли его очки, которые он никогда не снимал. В них он выглядел солидной персоной.

– Что-то не так? – выдохнул парень.

– Сядь.

Марк нахмурился, но сел на табуретку и положил руки на колени. Уверена, он ждал, что я скажу, что у нас будет ребёнок.

– *Он здесь*, – выпалила я.

Сначала лицо Марка не изменилось: он так и сидел, словно птенчик, в недоумении глядя на меня, а потом понял, о чём я говорю, и поднёс ладонь ко рту.

– Ты уверена? – он вскочил с табуретки. Мне приходилось задирать голову, чтобы видеть его, – Марк был намного выше меня. – Как ты это поняла?

Он снял свои очки, немного повертел их в руках, а после снова надел. Марк всегда делал так, когда нервничал.

– Марк, не узнать его было трудно, – я закатила глаза. В последнее время я использовала этот жест слишком часто. – Это он. Вы похожи, как две капли воды, только у него тёмные волосы, но такие же карие глаза. Его фамилия – твоя

фамилия. Его повадки – твои повадки, – я вспомнила, что именно поза того парня привлекла к нему моё внимание. – Он из того же города, откуда и ты. Это он, сомнений нет. Это твой брат.

Мне казалось, он будет счастлив, когда узнает, но Марк смотрел мне в глаза так, будто бы искал в них правду. Мне стало страшно: он что, не верит мне? После всего, через что мы прошли, он сомневается во мне?

Неожиданно его губы озарила искренняя улыбка, обнажив белоснежные зубы. Он засмеялся – таким смехом, каким смеются от счастья, – и притянул меня к себе. На этот раз я не стала вырываться и углубила поцелуй. Я зарылась руками в его волосы, – мне нравилось, когда они струились по моим рукам. Марк отстранился, чтобы взглянуть на меня, и я заметила, что его глаза блестели от подступивших слез.

– Ева, я люблю тебя, – быстро поцеловал меня. – Я люблю тебя.

Я приблизилась к его лицу и улыбнулась:

– А я люблю больше.

Марк был таким ярким и счастливым, несмотря на болезнь. Смотреть на него и знать, что однажды его улыбка померкнет, краски потускнеют, а личность растворится в теле, будто моего Марка в нем никогда и не было, было ужасно больно.

Мне была невыносима мысль о том, что однажды Капсула завладеет им и заберёт его у меня.

Мы были вместе уже шесть месяцев. Довольно-таки продолжительный срок для этих времён, где, не сегодня, так завтра, погибнешь. В Нью-Йорке я находилась уже давно, поэтому замещала медсестру на его проверке в аэропорту, где вычисляли вирус. Мы несколько раз пересекались до того, как я поставила ему смертный приговор, и всегда улыбались друг другу. Не знаю, чем я руководствовалась тогда, но я поменяла результаты его проверки с каким-то мужчиной из его группы.

По моей вине погиб здоровый человек, и это никогда не даст мне спокойно уснуть, но если бы уничтожили Марка, мне было бы ещё хуже. Я влюбилась в него с первого взгляда.

Моя причастность к смерти невинного была не единственной загвоздкой в наших отношениях. Тогда вокруг моей крови кружились вопросы: есть у меня иммунитет всё-таки или нет, а это значило, что в противном случае я могла заразиться.

Я рассказала Марку о подмене проверочных материалов, но о том, что был уничтожен здоровый человек, умолчала, иначе он возненавидел бы меня. Но зато я рассказала ему о том, что не было известно точно, есть у меня иммунитет или нет, и он попросил меня держаться от него подальше.

– Мы не можем больше видеться, – говорил он. – Я инфицирован. Я должен быть мёртв. Ты спасла мне жизнь, Ева. Ты спасла мою, а я уничтожу твою.

– Мне плевать! – горячо возражала я. – Лучше я буду

с тобой и погибну, чем буду жить без тебя, – у меня в глазах стояли слёзы. Марк тоже плакал. – Кроме того, я же проверяла людей в аэропорту. Среди них были и заражённые. Если я здорова, то у меня есть иммунитет, и нам нечего бояться. Если у меня его нет, то я уже больна, и нам нечего терять.

– Ты не можешь просто так взять и наплевать на свою жизнь. Ты более значимая, чем тебе кажется. Я покину Нью-Йорк и найду себе тихое местечко, где смогу спокойно уйти из жизни, – за его спиной был большой рюкзак, что сопровождал его в дороге до города, и должен был послужить ему в обратном пути, если бы я не уговорила его остаться.

Этот рюкзак до сих пор лежал у него в комнате. Собранный. На случай, если придётся бежать. Марк не знал, что в моей комнате тоже лежал собранный рюкзак. В случае, если ему придётся бежать, я сбегу вместе с ним.

С тех пор Марк тихо прятался в своей квартирке на Манхэттене, а я приходила к нему домой. Если о нём узнают, нас обоих казнят.

Парень ещё раз поцеловал меня, а когда отстранился, я спросила:

– Когда собираешься с ним встретиться?

Марк закашлялся.

– Встретиться с Квентином? – переспросил он. – Ты, должно быть, шутишь.

– Я это серьёзно сейчас спросила.

– Ты спятила, – в который раз произнес Марк эту фразу. – Квентин зол на меня. Он может выдать меня. Мне следует напоминать о последствиях?

– Ты думаешь, он до сих пор злится? Смешно. Он твой родной брат. Он любит тебя. Он давно простил тебя, иначе и быть не может, – выдала я.

– Ты не понимаешь, Ева. Мы так сильно поругались, что я купил квартиру здесь и собирался уехать из Кливленда, но опоздал на свой самолёт. Вернуться домой я не мог, поэтому ночевал у друга. А потом начался апокалипсис...

– Я знаю эту историю, Марк, – завершила я его. – Квентин думает, что ты попал в Нью-Йорк ещё до апокалипсиса. Готова поспорить, он шёл в город и надеялся встретить здесь тебя, так же как и ты надеялся встретить его.

– Мы наговорили друг другу много плохих вещей, – возразил Сарандон.

– Но он по-прежнему твой брат. Ты простил его, и он простил тебя, – я пыталась убедить его в том, что они должны встретиться. – Я – единственная, с кем ты говоришь, и я не могу быть всегда рядом. Неужели ты хочешь, чтобы так и было до самого конца?

– Мне и этого будет достаточно, – прошептал он.

– Какой же ты эгоист! – вспыхнула я. – Тебе не было покоя, когда ты не знал, жив Квентин или нет. Теперь ты знаешь, что он в порядке, но он ведь не знает про тебя! Я же вижу, этого парня что-то гложет! Он имеет право знать, что его

брат жив!

– Я заварю нам чай. Терпеть не могу кофе, – с этими словами он невозмутимо развернулся и пошёл на кухню.

– Марк! – разозлилась я и последовала за ним.

Он взял в руки чайник и посмотрел на меня. В его глазах я видела грусть и сожаление. Ему хотелось увидеться с Квентином, но он был уверен в том, что от этого сделает всем только хуже.

– Ева, это исключено, – выпалил парень, и я отвернулась.

На глаза навернулись слезы. Понятия не имею, почему меня так волновали отношения Квентина и Марка, но это, наверное, потому, что я любила его. Я не хотела, чтобы Марк совершил ещё одну ошибку в своей жизни. Я не позволю ему.

– Ева? – он развернул меня к себе. – Ты что, плачешь?

– Однажды ты умрёшь, – всхлипнула я.

Я впервые произнесла эту фразу за шесть месяцев. Марк был инфицирован, но за всё это время Капсула никак не отразилась на нём, поэтому у нас не было причин обсуждать его смерть раньше.

– Твой организм борется, но это ведь не навсегда. Если заражение пошло, Капсула сделает своё дело. Неужели ты хочешь так закончить? Ты хочешь умереть и не помириться с братом?

– Ева, я... – он сделал шаг ко мне, но я вытянула руку вперёд и прохрипела: «не надо». – Я подумаю.

– Думай быстрее, – я утёрла слезы. Это всегда работало с ним. Женские слёзы приводили Марка в ступор. Но сейчас я и не думала притворяться. – Что ты там хотел? Собирался сделать мне кофе? – я выдавила из себя улыбку.

– Как ты пьёшь эту дрянь? – презрительно фыркнул он и рассмеялся.

Он делал вид, что всё было хорошо, потому что думал, будто бы мне так будет лучше. Но я уже не была ребёнком: мне скоро будет двадцать один.

Каждый раз, когда я смотрела на него, мне действительно становилось легче. Но мысль о том, что самое страшное ещё впереди, не давала мне покоя ни ночью, ни днём.

Глава 11. «Чередования»

Вам встречаются люди, похожие на льдинки и колючки? А может, именно потому Господь направляет их к вам, что видит в вас достаточно тепла, которым вы сможете их отогреть?

Аму Мом

Дориан

Она смерила меня строгим взглядом, когда я попытался с ней заговорить.

Мия Доссон каким-то неведомым образом, явно не прилагая особых усилий, могла заставить меня почувствовать себя нашкодившим двухлеткой и надоедливым комаром одновременно. Стоило мне только открыть рот и посмотреть на нее, как я тут же жалел об этом: Мия молча смотрела на меня, как на говорящую плесень, и только через некоторое время отвечала.

– Как добрались? – на свою голову спросил я.

– Было не очень комфортно, – обыденным тоном ответила девушка спустя несколько секунд молчания. Продолжать разговор желания не было.

До Штаба мы дошли за час. К тому времени уже закончилась проверка, поэтому я еще полчаса скакал по больнице в поисках медсестры. Когда я наконец нашел ее и спустился

вниз, Мия мирно посапывала на скамейке.

Перед тем, как проверить ее на наличие иммунитета, Доктор Ричардсон – так звали темнокожую медсестру, – достала морботест, – прибор, что каждый солдат носил на шее, с помощью которого вычислялись инфицированные, – чтобы убедиться, здорова ли она. Мия закатила глаза, когда устройство пропищало, и демонстративно проигнорировала поздравление Доктора Ричардсон с тем, что она здорова. Я ее не винил, – Мию проверяли уже в третий раз за несколько часов. Когда игла уколола палец девушки для анализа, на лице Доссон не дрогнул ни один мускул. У нее нашли иммунитет, чему я не был удивлен.

– Дориан, ты не проводишь эту *милую* девушку до столовой? – медсестра выделила слово «милую». – И проследи, чтобы она... *Не подавилась*.

На доктора Ричардсон Мия произвела не самое лучшее впечатление. Я натянуто улыбнулся и посмотрел на Доссон:

– Ну что, идем? – я зачем-то протянул ей руку, и девушка посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

Я кашлянул и поспешно открыл дверь с буквой «И», пока не успел выкинуть еще какую-нибудь глупость.

Пока мы шли по тускло-освещаемому коридору, я вежливо попросил Мию не грубить поварам, на что девушка ответила, что никогда не грубит людям. Она действительно в это верила? Или в ее понимании я не был похож на представителя человеческого рода? Ну вот, уже и животным дразнят!

Мы быстро добрались до столовой, но мне это время в компании Мии показалось вечностью. Я поймал себя на том, что против воли начал сравнивать ее с Эйприл.

Мы подошли к месту раздачи порций, где возилась пожилая женщина по имени Марта.

– Здравствуйте. Можно одну порцию для этой девушки? – попросил я, указав на Мию, что стояла справа от меня, скрестив руки на груди.

– Привет, Дориан, конечно, – улыбнулась бабушка. – Знаешь, генерал Янг приходил, – она накладывала Мие еду в тарелку. – говорил, что Теллер ушел с поста, и что придется ему наказать этого беднягу. Ты его случайно не встречал? – Марта хоть и была уже дамой в возрасте, но любила пошутить. Правда, не всегда удачно. Она подала тарелку Мие. – Кушай на здоровье.

– Спасибо, – с улыбкой поблагодарила Мия, чему я был приятно удивлен.

– Генерал Янг? – переспросил я. Мое сердце пропустило удар. Отец Эйприл отличался своей жесткостью, чего нельзя было сказать о его дочери, по совместительству, моей лучшей подруге. – И что он собирается сделать со мной? – добавил я шепотом, когда Мия отошла и села за ближайший стол.

– Ничего особенного, – Марта махнула рукой. – Я заверила его, что попросила тебя помочь мне, поэтому он просто добавит тебе одну лишнюю смену. Не в качестве наказания. Просто ты будешь замещать того, кто сейчас замещает тебя.

– Марта, даже не знаю как тебя отблагодарить... – начал я, но старушка меня перебила:

– Мне-то ничего не надо. Ты за девушкой лучше поухаживай, – и кивнула головой на Мию, что трапезничала недалеко от нас.

Я оглянулся и, глядя на брюнетку, покачал головой.

– Она не выглядит, как человек, которого хоть кто-то волнует. Не уверен, что она даже умеет смеяться, – я посмотрел на Марту.

– А ты рассмеши ее, – подмигнула старушка и ушла на кухню.

Иногда я удивлялся: не принимала ли она меня за своего внука? Даже моя родная бабушка никогда не относилась ко мне с такой теплотой.

Я сел за стол напротив Мии и понял, что тоже хотел есть. Девушка подняла на меня глаза:

– Так и будешь смотреть на меня? – раздраженно спросила она.

– А... Нет! – я растерялся, но быстро улыбнулся. – Я хотел обсудить... Некоторые вопросы. – попытался найти выход из неловкого положения я.

Мия взглянула на меня исподлобья:

– Ну?

Я лихорадочно пытался вспомнить что-то – ну хоть что-то – важное.

– Какая твоя любимая еда? – наконец выпалил я.

Мия смотрела на меня, как на умалишенного. Всем своим видом она показывала, как сильно я ей не нравился. Кажалось, этим взглядом она пыталась просверлить меня насквозь.

– Человечина! – выдала Доссон злобно и уткнулась в свою тарелку.

– А как насчет тайской кухни? – я не падал духом и старательно делал вид, что не замечаю ее враждебности по отношению ко мне. – Тайская, китайская... Смотри, игра слов! – я неубедительно засмеялся.

Мия глазами метала в меня молнии. Я перехватил ее взгляд и прекратил смеяться. Облизнул губы и улыбнулся самой обольстительной улыбкой, на какую только был способен. Раньше все девчонки вешались.

Мия закатила глаза и «случайно» пинула меня под столом. Было больно, но я лишь зажмурился.

– По-моему сейчас самое время отвести тебя в спальню новобранцев, – заметил я, игнорируя ее удар, и вышел из-за стола.

Мия без слов встала, отнесла тарелку на мойку и развернулась ко мне. Я был так удивлен ее порядочности и чистоплотности, – думал, что такая пофигистичная девушка плюнет и на грязную посуду, – что не сразу догнал, что делать дальше. Я просто в недоумении смотрел на ее скучающее лицо, пока она не вытряхнула меня из транса своим ядовитым замечанием:

– Ну? Что пялишься? Веди меня уже.

Я быстро кивнул, развернулся на каблуках и жестом позвал Доссон за собой. Она повиновалась – без лишних вопросов зашагала за мной по тускло-освещаемому коридору без окон. Наши коридоры оставляли желать лучшего: сырой бетон, маленькое расстояние между стенами, гудение тусклых лампочек. Холод усиливался по мере того, как мы спускались по небольшой лестнице без перил вниз. Если бы я был режиссером фильма ужасов, то непременно отправился бы снимать именно сюда.

Наконец, мы оказались в коридоре с комнатами. Он был намного длиннее и шире, чем то, через что мы прошли перед этим, поэтому здесь лучше дышалось. Я огляделся. Металлические двери располагались с одинаковым интервалом вдоль стен. Я посчитал пятую от начала с правой стороны и кивнул на нее:

– Здесь ты будешь жить вместе с остальными, – сообщил я, переминаясь с ноги на ногу.

– Спасибо, – поблагодарила Мия безразличным тоном и дернула ручку на себя.

Дверь поддалась. Девушка натянуто улыбнулась, переступила через порог и уже собиралась закрыться, как вдруг я остановил ее, уперев руку в холодный металл. Мия в недоумении нахмурилась.

– Мы еще увидимся? – с надеждой в голосе спросил я.

Ее скрытность и поведение, не поддающиеся логическим

объяснениям, лишь подогревали мой интерес к ней.

Мия помедлила с ответом. Этот вопрос, видимо, был последним, что она ожидала от меня услышать.

– Может быть, – наконец пожала плечами она и улыбнулась мне уже во второй раз.

Я улыбнулся в ответ, и Мия захлопнула дверь прямо перед моим носом.

Глава 12. «Мертвая авеню»

*Надеяться всегда лучше, чем отчаиваться.
Иоганн Вольфганг фон Гёте*

Сьюзан

Я всегда была излишне требовательна к себе.

С малых лет стремилась к совершенству во всем, но больше всего ценила чистоту. Во время каждого приема душа я натирала тело до новизны и начищала зубы по пять раз в день до того, как они не начинали скрипеть, если провести по ним пальцем, подобно идеально чистой стеклянной тарелке. Я не могла чувствовать себя комфортно, если не была идеально чистой или от меня исходил дурной запах. За дурной запах я принимала даже его полное отсутствие – отчего-то я была убеждена в том, что от каждого человека непременно должен исходить приятный аромат духов или геля для душа.

И именно поэтому моим главным врагом в ванной было хозяйственное мыло. Самое дешевое и самое вонючее, что только можно найти на всем белом свете, выбирая из средств гигиены.

За время дороги до Нью-Йорка я принимала душ всего несколько раз – когда мы останавливались в каких-нибудь брошенных, некогда дорогих отелях, и тратили их воду. В остальные дни я обходилась кучей салфеток, сухим шапну-

нем и дезодорантом, которые каждый раз вытаскивала из попавшихся на пути хозяйственных магазинов. По правде говоря, я просто набивала ими рюкзак. Даже одежды и сменного белья в нем я хранила меньше.

Оказавшись на постоянном месте после столь долгого путешествия и разложив все свои вещи, я отправилась в душ. Сейчас было часа три дня, и потому все в своих комнатах сейчас разбирали рюкзаки – в душевой я оказалась одна, поэтому выбрала самую крайнюю кабинку в углу.

Скинув одежду, я подставила тело под теплую воду и только тогда подняла глаза на полочку с душевыми принадлежностями – чертово хозяйственное мыло и ничего больше.

Если бы слово, которое я произнесла в тот момент, услышали в школе, меня бы выгнали из класса.

Когда я, морщась, взяла противное мыло в руки, мне показалось, что по ту сторону стены кто-то позвал: «Сьюзан?».

Я сделала воду потише и прислушалась.

«Это ты?».

– Феникс? – мой ответ последовал незамедлительно.

– Да, я, – сказал он. – Звук проходит через вентиляцию.

– Выходит, мы можем общаться таким странным образом? – усмехнулась я, намыливая тело. – Скажи, у вас там тоже только дурацкое хозяйственное мыло лежит?

– Ага. Одно мыло на две кабинки, – фыркнул Феникс. – Не пятизвездочный отель, но лучше, чем ничего.

Я не могла с ним согласиться. Да, хорошо, что мы до-

брались до города, но условия здесь паршивее наших подвалов были. Не зря я набила рюкзак мочалками и другими средствами гигиены – на одном хозяйственном мыле далеко не уедешь. Правда вот все свои запасы я оставила в рюкзаке. При мысли о том, что мне придется мыть этим голову, я жалобно простонала.

– Что такое? – раздался голос Феникса с другой стороны.

– Я забыла свой шампунь в рюкзаке. Да я вообще все забыла в рюкзаке... – принялась жаловаться на жизнь я, когда мне на голову свалился тюбик мужского шампуня. – Эй!

Я подняла глаза вверх. Вентиляционное отверстие было достаточно большим для того, чтобы можно было передавать предметы из кабинки в кабинку.

– Спасибо! – поблагодарила я Феникса.

Ответом мне послужил его смешок.

Когда я вышла, то обнаружила его рядом со своей кроватью.

С ужасно серьезным лицом Феникс что-то втолковывал девушке, стоящей ко мне спиной. До боли знакомая фигура и темные коротко стриженные волосы.

– Мия! – воскликнула я, и взгляд их обоих обратился на меня.

Губы Мии расплылись в искренней улыбке. Пока я шла к ней, протянув руки для объятий, успела подумать, что она, должно быть, уже успела кое-как оправиться от гибели.

ли отца. Доссон пошла мне навстречу с радостной улыбкой и крепко-крепко обняла. Не разрывая объятий я подняла глаза на Феникса. Руки его были скрещены на груди, ноги широко расставлены – вся поза его кричала о напряжении, – но на лице играла теплая улыбка.

Я подмигнула ему, как бы говоря: «теперь все наладится», а потом поймала на себе тяжелый взгляд Квентина. Онглянул на нас глазами, полными тоски, и немедленно уткнулся в содержимое своего рюкзака, стоило мне посмотреть на него.

Его так сильно беспокоит Мия? Или есть что-то еще? Что-то, на что он надеялся, но Нью-Йорк не оправдал его надежд?

Я отстранилась от Мии.

– Почему ты ушла? – после объятий всегда самое время начать отчитывать лучшую подругу.

Я требовательно смотрела на девушку, ожидая объяснений, которые могли бы меня устроить. Только вот я сомневалась, что у Мии был хоть один обоснованный аргумент, к которому я могла бы прислушаться.

– Мне просто нужно было выпустить пар! – отрезала Мия с улыбкой на лице.

Едва ли она сумела меня убедить. Но сейчас ведь все было хорошо. Я решила не портить момент, и насладиться долгожданным спокойствием. Сейчас не надо было переживать за чьи-то жизни, не надо было беспокоиться о зомби, не надо было следить, чтобы никто не потерялся...

Квентин встал с кровати и прогулочным шагом, явно всеми силами стараясь не привлекать лишнего внимания, вышел из комнаты в коридор.

– Я сейчас вернусь, – бросила я и уверенным шагом, зная куда иду, последовала за ним.

Я оказалась в холодном, тускло освещаемом гудящими лампами, коридоре. Квентин поднимался по лестнице наверх.

Что он задумал? Неужто еще один беглец?

– Тебе вовсе необязательно притворяться, будто все в порядке, – бросила я ему в догонку и скрестила руки на груди, остановившись на нижней ступени. – Хватит с нас побегов.

Едва занеся свою ногу над следующей ступенью, Квентин замер в таком положении, стоило ему услышать мой голос. Он медленно повернулся в поисках источника звука и, я услышала, как он вздохнул, увидев меня.

– Куда ты собрался? – спросила я. Мой голос дрогнул.

Квентин развернулся ко мне всем корпусом и стал спускаться вниз, – туда, где стояла я. Ступая по старым холодным, покрытым паутиной на углах, местами пыльным ступеням, он не сводил с меня своих грустных серых глаз.

– Хотел проветриться, – ответил Квентин и поджал губы. – Здесь жутковато, не находишь?

Он был прав. Это место наводило на меня ужас. Я практически в физическом смысле ощущала запах страха и смерти, парящий в этом холодном воздухе. При мысли о том, что

я буду жить здесь, вероятно, до конца своих дней, я почувствовала, как желудок сжался в тугий комок. Будь моя воля, я по-другому бы распорядилась своим местом жительства. Чья-нибудь заброшенная квартирка – и та лучше.

– Ну, может быть, – я пожалала плечами и обняла плечи руками.

По коже побежали мурашки, отчаянно пытаюсь защитить меня от холода. Едва ли это помогало согреться.

– А ты зачем пошла за мной? – спросил Квентин и подошел ближе.

Наши лица разделяли считанные сантиметры. Я чувствовала его горячее дыхание, мое тело рвалось к теплу. Я посмотрела парню в глаза. Не знаю, что именно я увидела в них, но больше всего это было похоже на надежду и беспокойство. Квентин был глубоко несчастен. Как и все мы.

– Просто хотела узнать, все ли в порядке. Кажется, у тебя все хорошо? Значит, я пойду обратно, – я попятилась назад, не разрывая зрительного контакта с ним.

Его грустные серые глаза, густые темные брови, мужественный нос, пухлые губы и легкая щетина на его лице, – все это теперь казалось мне таким знакомым, но при этом зоной, где следовало быть осторожной. Я сделала еще один шаг, когда он схватил меня за руку. Наши пальцы переплелись, и я почувствовала прилив тепла, которое сейчас распространялось по моему организму, и я буквально ощущала его движение внутри себя.

– Останься со мной, – выпалил Квентин. Я видела, как ему было плохо. Он был похож на щенка, лишившегося всего, что он когда-либо ценил. Я сжала его теплую ладонь. – Не все в порядке.

Сработало.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, в недоумении нахмурившись, когда он потянул меня за руку и повел вверх по лестнице. Мои каблуки громко стучали о бетон.

– Я хочу увидеть свет, – сказал он, не глядя на меня.

Я быстро перебирала ногами, едва поспевая за его широкими шагами. У меня ведь ноги короче! Мог бы и поддаться бедной девушке!

– Ты хочешь путешествовать? – удивилась я, спотыкаясь о неровности дороги. Я добилась совершенной походки на каблуках, но этот коридор был полон сюрпризов в виде различных неровностей: ямочек и камушков. – Или тебе нужно на улицу? – спросила я, больше всего склоняясь именно к этому варианту.

Напутешествовались мы уже по горло – хватит на всю жизнь.

– На улицу, – был его ответ.

Я приподняла брови, но вопросов задавать не стала. У Квентина были проблемы с девушками в тесных помещениях? Или просто клаустрофобия? Почему бы нам не поговорить в здании?! На улице было холодно, а на мне был надет один лишь комбинезон. Не хотелось бы простудиться –

сейчас меня никто лечить не будет.

Мы дошли до столовой, свернули налево, уперлись в стену, свернули направо, оказались в более-менее просторном зале с какой-то стойкой, напоминающей рецепцию в отеле, и полицейской будкой, как в метро рядом с экскаватором, освещаемом дневным светом из больших окон, и обнаружили открытую дверь на улицу.

Стоило мне выйти, как я поежилась от холода. Заметив это, Квентин обнял меня за плечи, и стало теплее. Я огляделась по сторонам. Вокруг – ни души.

Мертвая авеню выглядела тихой и серой, будто люди покинули это место много десятков лет назад. А правда была иной – только год назад сюда приезжали туристы со всего Света, чтобы полюбоваться ночным Манхэттеном. Я всегда хотела сюда приехать. Но не при таких обстоятельствах.

Мы с Квентином нашли скамейку и сели. Пока я укладывалась на его плечо, несколько раз успела прикинуть, где именно мы находились, как далеко от нас Тайм-Сквер и как долго шагать до Центрального парка. Подбородок Сарандона касался моего лба. Я поерзала и немного сползла вниз, поэтому моя голова уже покоилась на его груди. Я слышала его сердцебиение и с уверенностью могла сказать, что оно участилось, когда Квентин заговорил.

– Наверняка ты подумала, что мне плохо из-за Мии, – начал он. – Но она – не главная причина почему я так себя веду, – он вздохнул, словно прикидывая, стоит мне рассказать

или нет. – Я шел сюда... Не просто так, Сьюзан. Не только потому, что я хотел выжить и немного отсрочить свою неизбежную смерть. Была и другая причина.

Его сердце билось все чаще. *В чем дело, Квентин? Что с тобой не так?*

– Мой брат, – выпалил он наконец. – Я надеялся, что он еще мог быть жив, но... Его здесь нет.

– У тебя есть брат и ты не посчитал нужным сказать мне об этом раньше? – возмутилась я.

Задетая до глубины души, я отодвинулась на скамейке и скрестила руки на груди. Наверное, мне не стоило слишком злиться – историю своей семьи я рассказывать не стала и никогда не стану.

– Я боялся, что ты посмеешься надо мной, – попытался оправдаться Квентин. Он подвинулся ко мне и коснулся моего плеча, но я в ярости смахнула его руку. – Вероятность встретить Марка была все-таки мизерной. Это было почти невозможно. Глупо было надеяться.

Я постаралась засунуть свою гордость куда подальше и повернулась к нему с обеспокоенным лицом:

– Это не глупо! – с горячностью заявила я. – Надежда – единственное, что у нас было тогда. Надежда была у нас, мы были друг у друга. Если бы не эти немаловажные факторы, мы бы не добрались до города выживших...

– Какой толк сейчас спорить об этом? – проворчал Квентин, напомнив восьмидесятилетнюю, замученную жиз-

нью, дамочку. – С тех пор, как появились зомби, изменилось все...

– Кроме наших чувств! – перебила я.

Я обязана была убедить Квентина в том, что он не зря надеялся. Если бы не надежда, он уже был бы мертв. Но что я могла сказать в ее защиту? Квентин не нашел того, что искал. С этим нельзя было поспорить.

– Я не вижу смысла продолжать этот разговор, Мия! – воскликнул парень.

Мия? Его глаза округлилось, когда он понял, что ошибся именем. Сарандон посмотрел на меня и тихо так произнес следующее:

– Извини. Мы должны вернуться... Пока нас не хватились.

С этими словами он поднялся на обе ноги, протянул мне руку, которую я демонстративно проигнорировала, встала, гневно сверкнула на Квентина глазами и пошла ко входу. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы знать, что он идет за мной. Я слышала его шаги и то, как он захлопнул дверь, стоило нам оказаться в помещении.

Глава 13. «Адреналин»

*Она не знала, в чем причина ее одиночества.
Она могла выразить это только словами: «Это
не тот мир, на который я надеялась».*

Айн Рэнд

Эйприл

Мое утро началось с ледяного душа.

– Папа! – возмутилась я и подскочила на постели.

Отец часто будил меня именно таким образом, если я не хотела вставать – просто выливал кружку холодной воды мне на лицо, и я сразу же становилась такой бодрой, будто бы уже давно проснулась и даже успела сделать зарядку.

Сейчас было то же самое, только вот когда я подняла голову, то обнаружила, что надо мной стоял вовсе не отец. Я поймала на себе строгий взгляд Феникса.

– Подъем! – скомандовал он повелительным тоном, и я сразу же ощетибилась.

– Тебе действительно необходимо будить меня так, чтобы я заработала себе пневмонию? – я встала мятежом.

Против отца я ничего не могла сделать, но Фениксу я уж точно не позволю мной командовать и так с собой обращаться.

– У тебя есть десять минут на сборы, – холодно парировал он, игнорируя мои слова, и удалился.

Я протерла глаза и огляделась. Вчера нас отвели сюда сразу после ланча: это большая комната с низкими потолками, заставленная доброй дюжиной коек, к каждой из которых была приставлена маленькая тумбочка с двумя ящиками, и освещаемая старыми люминесцентными светильниками. Холодные шершавые стены, покрытые серой краской, напоминали о том, что жизнь здесь сахаром ни одному из нас не покажется. Справа от меня стояла койка Сьюзан, за ней – кровать Мии, а я спала у стены, – неважно, какой холодной она была, в углу в любом случае я чувствовала себя уютнее.

– С добрым утром! – поприветствовала меня Сьюзан с широкой улыбкой на лице, зашнуровывая свои сапоги.

Она уже успела расчесаться и накраситься, а я была похожа на взъерошенную версию домовенка Кузьки. Более того – если у всех беженцев были рюкзаки, набитые всем необходимым, то мои вещи остались дома.

– Ты не одолжишь мне расческу? – я с надеждой смотрела на нее, подобно потерянному щенку.

– Конечно. Лови! – отозвалась Сьюзан и бросила расческу на мою койку. Я ответила ей благодарной улыбкой. – А, и еще кое-что, – вспомнила она и указала прямо на пол перед моей кроватью. – Это всем принесли сегодня утром. Примерь.

Я посмотрела туда, куда указала Сью, и обнаружила высокие армейские сапоги черного цвета. Наскоро расчесав волосы, я свесила ноги вниз, быстро влезла в обувь и встала, когда поняла, что чувствовала себя в них вполне комфортно.

– Сидят как влитые! – обрадовалась Сьюзан и от восторга захлопала в ладоши. Я бросила на нее негодующий взгляд, и та сдалась. – Ладно, ладно! Я поменяла твои сапоги на мои, потому что последние оказались слишком тесными. А твои мне идеально подошли, и я переживала, что тебе не подойдут мои.

– Слишком много «твои-мои», – я издала смешок и ободряюще улыбнулась девушке.

Если бы на месте Сьюзан был кто-то другой, я бы разозлилась, но она умела преподнести все так, что мне даже стало весело от того факта, что она поменяла сапоги без моего согласия.

Я не приняла душ вчера вечером, – все мои средства гигиены остались дома, но, к счастью, бежать за ними домой не придется, ведь уборщица пообещала принести всем нам по комплекту, куда входили: щетка, мочалка, зубная паста и шампунь, – поэтому так и не переоделась в комбинезон и спала в своей одежде. Глянув на свою тумбочку, я заметила на ней принадлежности для водных процедур и, немедленно схватив их вместе с комбинезоном, потопала в женскую душевую, где, быстро приняв водные процедуры, переоделась в чистую одежду.

В последний раз взглянув на себя в зеркало, я уже собиралась выйти «в свет», но дорогу мне преградила мужская фигура. У меня вытянулось лицо, когда я встретилась с *его* глазами. С его вдумчивыми глазами цвета морской волны.

Феникс стоял в дверном проеме, по-хозяйски уперев руку в стену, тем самым блокируя мне выход. Я попыталась прочитать на его лице хотя бы одну эмоцию, но оно было бесстрастно. Сколько времени я проторчала в душе? Пятнадцать минут? Двадцать? А он дал мне всего десять. Я проштрафилась.

– А где все? – я принялась строить из себя дурочку, надеясь, что он поведется.

– Эйприл, – губы Феникса скривились в театральной улыбке, и я заметила, что меня радовал тот факт, что он запомнил мое имя. – Ты очень плохая актриса, – он медленно покачал головой, не разрывая зрительного контакта со мной. – Ты же не думала, что я поверю, будто бы ты и впрямь ничего не понимаешь? Мы оба знаем, что тебе известно, что у нас запланировано по утрам.

Я чувствовала, как быстро бьется мое сердце.

– Да, знаю, – с вызовом посмотрела на него я. Да, он мой командир, но я вовсе не хотела, чтобы он меня отчитывал. Для моего отца ругать меня по всякому поводу было в порядке вещей, но с ним я была бессильна, а вот отношение Феникса к себе все еще могла изменить. – Просто задержалась в душе, – я старалась говорить небрежно, будто это не имело ровным счетом никакого значения, но живот у меня стянулся тугим узлом от того, что я сильно нервничала. – Мы можем идти?

– Конечно, – кивнул Феникс с той же деланной улыбкой. –

Но если такое еще раз повторится, обещаю, я найду прямо к тебе в кабинку и вытащу на улицу в чем есть.

Брови, наверное, закрыли половину моих глаз, когда я нахмурилась, пытаясь таким видом напугать своего командира, но выглядела я, должно быть, нелепо, потому что он захотнул и дал мне пройти.

Минуты, проведенные в пути, когда мы с Фениксом шли на улицу по узким коридорам, казалось, растянулись на часы. Холодно, влажно, жутко! Кому пришло в голову поселить Иммунных именно здесь? У нас есть иммунитет от Капсулы, но не от гайморита.

Нет, я заработаю здесь воспаление легких, что еще хуже!

Мы прошли через какой-то просторный зал, напоминающий вход в отель, и оказались на улице, где ждали остальные. Стоило нам появиться снаружи, как я услышала чьи-то раздраженные: «ну наконец-то!», «неужели!», «почему так долго?!» и прочее. Сюзан, похоже, уже в конец окочурилась – девушка вжалась в тело Квентина, а тот обнимал ее руками. Интересно, намного им стало теплее?

Феникс скомандовал, и все побежали. Впереди бежал, разумеется, он собственной персоной, потом еще тринадцать человек, среди которых были Сью и Квентин, а я замыкала хвост. Бежать сзади не так уж и плохо – никто не видит твоего задумчивого лица и не знает, что ты «на своей волне». Вместо того, чтобы сосредоточиться на беге, я размышляла

на тему, какая отличная пара вышла бы из Сьюзан и Квентина. Может, они уже вместе? Надо как-нибудь невзначай спросить.

Мы сворачивали то туда, то сюда, что даже я сама запуталась, где мы находились, а ведь жила в Нью-Йорке сколько себя помнила. У Феникса была какая-то карта, по которой он ориентировался?

У меня горели мышцы, и было ощущение, будто из легких выпустили весь воздух. Я дышала ртом, и потому у меня закололо бок. Бежать больше не было сил. Я заметила, что кроме меня, так же паршиво было только Бобу, и окончательно сдулась. Они все были подготовлены намного лучше меня. Только сейчас я стала понимать, как важны были тренировки. Отец заставлял меня, но я всеми силами старалась откосить. И у меня получалось.

Зато бегать теперь не получалось.

Я остановилась и согнулась пополам, пытаюсь отдышаться. Колени тряслись. Я никогда еще так не бегала. Толстой я не была, но у меня отсутствовали мышцы – выглядело это иногда так, будто я больна анорексией, – и сейчас я чувствовала их везде, даже в тех местах, где, как я думала до этого момента, их нет.

Группа все дальше отдалялась от меня, а я не могла даже пары шагов сделать.

– Что с тобой? – раздался справа от меня мужской голос. Я подняла глаза и обнаружила Феникса рядом с собой. Ну,

конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.